

Н. ШЕВАЛЪЕ.
(Н. Г—дъ).

Правда о войнѣ на Балканахъ.

Записки военного корреспондента.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

ИнСлав

Къ читателямъ.

Я взялъ на себя крайне неблагодарную задачу—изобразить въ истинномъ видѣ мои впечатлѣнія на Балканахъ, главнымъ образомъ, на сербскомъ театрѣ войны за время моего двухмѣсячнаго пребыванія въ роли военнаго корреспондента газеты „Раннее утро“.

Задача, повторяю, крайне неблагодарная, если въ изложеніи видѣннаго и пережитаго не прибѣгать къ эффектному бенгальскому освѣщенію, и, не считаясь съ традиционными симпатіями нѣкоторыхъ круговъ русскаго общества, имѣть мужество изображать картины такими, какими онѣ были на самомъ дѣлѣ, а не какими ихъ хотѣлось-бы видѣть! И тѣ, кто полагаетъ, что „тѣмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающіи обманъ,“—хорошо сдѣлаютъ, отложивъ мою книгу прочь...

Они сохранятъ тогда свои иллюзи и въ прекрасномъ невѣдѣннн будутъ и впредь поклоняться кумиру, увы, въ моихъ глазахъ и для меня безповоротно свергнутому.

Они оградятъ себя отъ горечи и мучени, которыя неизмѣнно вносить съ собою всякое разочарованіе...

Тѣмъ немногимъ, которые пожелали-бы прочесть мою книгу до конца, я долженъ сказать, что „je ne pgorose rien, je ne suppose rien, — j'expose“.

Я отправился на Балканы безъ всякой предвзятой мысли, безъ всякихъ предубѣжденій къ тѣмъ, которыхъ еще не зналъ, и никто не долженъ осуждать меня, если онъ найдетъ въ моей книгѣ не восторженное поклоненіе юго-славянамъ, а безпристрастное и неліцепріятное изложеніе дѣяній балканскихъ народовъ.

Авторъ.

Изъ Москвы въ Софію.

Тревожныя вѣсти, доходившія съ Балканскаго полуострова, застали меня въ Средней Азіи.

Въ половинѣ сентября 1912 года, когда объявленіе войны славянскими государствами не подлежало болѣе сомнѣнію, я покинулъ страну знойнаго солнца и поспѣшилъ въ Петербургъ.

Спустя нѣсколько дней я получилъ предложеніе отъ редакціи одной московской газеты отправиться на Балканы военнымъ корреспондентомъ...

Въ два дня мое снаряженіе было готово и вооруженный всѣми атрибутами военного корреспондента, я перваго октября покинулъ Москву,

Въ Москвѣ, на перронѣ, провожавшіе меня друзья представили меня отправлявшемуся съ этимъ поѣздомъ въ свое имѣніе генералу Кашталинскому, герою русско-японской войны, въ которую онъ командовалъ дивизіей.

На Дальнемъ Востокѣ, во время кампаніи, я много слышалъ объ этомъ храбромъ, благородномъ генералѣ, о его славномъ боевомъ прошломъ и безконечно радъ былъ случаю познакомиться съ нимъ.

Мы бесѣдовали до глубокой ночи, вспоминая различные эпизоды изъ русско-японской войны, вспоминая военачальниковъ дѣльныхъ, энергичныхъ, знавшихъ армію и любившихъ ее, и, по злой ироніи судьбы, оставшихся въ тѣни, игравшихъ вторыя роли, въ то время какъ бездарные, малодушные генералы, прибѣгавшіе къ американской рекламѣ выдвигались на видныя амплуа!

Разказы генерала Кашталинскаго положительно захватывали своимъ интересомъ; много видѣлъ на своемъ вѣку этотъ образованный, строевой генералъ, много испыталъ онъ всякихъ горестей и нуждъ въ свою жизнь, добрая половина которой прошла въ походахъ и сраженіяхъ.

На высотахъ Балканъ, въ степяхъ Средней Азіи, на сопкахъ далекой Манчжури—вездѣ онъ оставилъ о себѣ свѣтлую память, горячо любимый всѣми, кому приходилось служить въ его подчиненіи.

И всматриваясь въ доброе, откровенное и энергичное лицо моего собесѣдника, вслу-

шиваясь въ его красивую, образную рѣчь, я положительно любовался этимъ старымъ солдатомъ, сохранившимъ, несмотря на тяжелыя раны въ грудь и голову удивительную бодрость, еще болѣе удивительную молодость души...

И, странное дѣло, этотъ бравый, здоровый генераль, командовавши въ сѣверо-западномъ краѣ корпусомъ, въ прошломъ году вышелъ въ отставку, не желая, подъ конецъ своей жизни, отступить отъ рыцарскихъ завѣтовъ, на которыхъ онъ выросъ и воспитался...

Какіе-то крайніе правые элементы дѣлали всевозможныя усилія вовлечь офицеровъ его корпуса въ политическую игру; они посѣяли интриги между офицерами-поляками и русскими и, такимъ образомъ, въ чуждую всякой политики полковую жизнь бросили микробъ раздоровъ и растлѣнія...

Генераль Кашталинскій, привыкши видѣть въ арміи великую молчальницу, стоящую внѣ всякой политики, энергично выступилъ противъ элементовъ, нарушавшихъ правильную, спокойную жизнь его корпуса и въ результатѣ... долженъ былъ подать въ отставку!

Мы живемъ въ удивительное время! Въ ужасное время, когда все скромное и благо-

родное, все честное и вѣрное вѣковымъ традиціямъ, отталкивается грубо назадъ, безцеремонно отстраняется, дабы очистить дорогу крикунамъ, еще вчера никому невѣдомымъ, а сегодня, благодаря уличной шумихѣ и рекламѣ нагло проскочившимъ въ первые ряды!

Поѣздъ приближался къ Кіеву... Видны были уже живописные берега Днѣпра...

Мой собесѣдникъ горячо попросался со мной, пожелалъ успѣха и просилъ передать привѣтъ братушкамъ—сослуживцамъ по дружинамъ, сформированнымъ имъ на Балканахъ въ 1877 году.

На вокзалѣ, въ Кіевѣ, пришлось дожидаться поѣзда, отходящаго въ Одессу, нѣсколько часовъ.

Шумный, всегда оживленный вокзалъ съ яркой печатью обаятельнаго юга.

Я проѣхался по городу, въ которомъ много разъ бывалъ и изъ котораго уѣзжалъ всегда съ сожалѣніемъ и грустью...

Всмотритесь въ эту жизнерадостную, всегда оживленную толпу Крещатика! Сколько молодости и красочности въ этихъ вѣчно-юныхъ лицахъ! Ни въ одномъ городѣ міра

я не видалъ столько милостивыхъ, граціозныхъ дѣвушекъ, столько ласковыхъ, привѣтливыхъ женскихъ глазъ!

Что кіевлянки дѣйствительно своеобразно-хороши и, ничего для этого не предпринимая, обладаютъ счастливымъ свойствомъ нравиться, подтвердили въ одинъ голосъ мои сосѣди по купѣ поѣзда, увозившаго насъ въ Одессу.

Всѣ они: корнетъ гвардейской кавалеріи, ѣхавши въ Одессу на офицерскія скачки, директоръ одного изъ южныхъ банковъ и присяжный повѣренный, торопившіися на гастроли въ Одессу, —положительно поразились множеству обаятельныхъ кіевлянокъ!

Черезъ какихъ-нибудь полчаса, какъ это обыкновенно водится среди русскихъ путешественниковъ, всѣ въ купѣ перезнакомились и непринужденно бесѣдовали другъ съ другомъ.

Традиціонное чаепитіе и куреніе табаку оживляло общую бесѣду.

Директоръ банка, бывший морской офицеръ, изъѣздивши на своемъ вѣку добрую половину свѣта, оказался презанимательнымъ собесѣдникомъ.

Не было кажется мало-мальски интереснаго уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы онъ не былъ.

Зналь онъ хорошо и Балканскій полуостровъ, и по этой-ли причинѣ, по другой-ли—его отзывы о славянскихъ государствахъ были далеко не восторженны.

— Я старый бессарабскій помѣщикъ; у меня большой кругъ знакомыхъ и на югѣ, и въ центральной Россіи; я много путешествую по Россіи и, право, ни подъема, ни особыхъ симпатіи къ юго-славянамъ не замѣчаю... Все это вздуто печатью, которая взгляды небольшой группы лицъ приписываетъ всей Россіи.

Ему возражалъ корнетъ, подошедши къ событіямъ на Ближнемъ Востокѣ совсѣмъ съ другой стороны.

— Сербы, болгары, черногорцы—да это наши славянскіе буры, поднявшіеся противъ сильнаго угнетателя! Они воинственны и рыцарски благородны въ бою, и въ подтвержденіе привелъ примѣры изъ войны 1877 года...

Молчавши до этого присяжный повѣренный, котораго, повидимому, гораздо болѣе Балканскаго вопроса интересовала предстоящая защита въ Одессѣ, — вмѣшался въ разговоръ.

По тону, по манерамъ говорить видно было что вопросъ этотъ его отнюдь не занимаетъ, но привычка говорить, профессія

возражать взяла верхъ и съ пріемами, которые легко обнаруживали въ немъ профессиональнаго оратора, онъ приступилъ къ своей рѣчи.

Свѣтило московской адвокатуры, носившее громкую русскую фамилию, очень ловко и образно сравнило балканскихъ славянъ съ тѣмъ бѣдными, но назойливыми родственниками, которые не останавливаются въ средствахъ, чтобы разжалобить сердца богатой и знатной родни. Ихъ слезы—крокодиловы слезы, ихъ болѣзни—симуляція, ихъ жалобы и стоны—старый, избитый маневръ.

Какъ и подобаеть бѣднымъ родственникамъ --они неблагодарны, а ихъ профессія—вѣчно клянчить и жаловаться, воспитала въ нихъ далеко неблагородныя чувства.

Мы можемъ давать имъ крохи отъ нашего стола, но дѣлать больше—это преступленіе по отношенію къ русскому народу.

Русь темна и бѣдна, Русь нуждается въ культурныхъ работникахъ, въ живой помощи, поддержкѣ и словомъ и дѣломъ, и въ правѣ-ли мы жертвовать людьми и средствами ради народовъ, съ которыми насъ связываютъ совсѣмъ не осязательныя нити? Въ правѣ-ли мы дѣлать драгоцѣнные подарки любовницѣ, когда голодаетъ законная жена?

Корнетъ горячился, возражалъ адвокату, котораго, въ свою очередь, поддерживалъ директоръ банка, приводившій безконечные факты.

Было 2 часа ночи, когда споръ клонился къ концу и собесѣдники, одинъ за другимъ, укладывались спать.

Въ Одессѣ я первымъ дѣломъ узналъ неприятную для меня новость, что болгарскій портъ Варна минированъ и, что пароходы туда не отправляются.

Пришлось взять другой маршрутъ, черезъ Румынію, что значительно удлиняло путь.

Я заѣхалъ въ румынское и болгарское консульства для визирования паспорта; съ этой-же цѣлью пришлось посѣтить и австро-венгерское консульство.

Поѣздъ къ румынской границѣ отправлялся только ночью. Оставался цѣлый день впереди.

„Красавица“ Одесса выглядѣла довольно грустно въ этотъ хмурый осенній день; но-блекла зелень на украшающихъ этотъ городъ бульварахъ, пожелтѣли листья на деревьяхъ, разбитыхъ шпалерами по широкимъ, просторнымъ улицамъ; не было яркихъ солнечныхъ

лучей, озаряющих пеструю, разноплеменную толпу южной „красавицы“.

Въ переполненныхъ кофейняхъ только и говорили о войнѣ; мужчины еврейскаго, греческаго и армянскаго типа, румыны и валахи, болгары и сербы, молодые люди неопредѣленной національности, которыхъ такое множество въ Одессѣ, жестикулируя и шатаясь всѣмъ корпусомъ, горячо спорили по поводу шансовъ на успѣхъ воюющихъ сторонъ.

Больше всѣхъ кричали греки, описывая достоинства своего флота, храбрость своей арміи.

Отравленный табачнымъ дымомъ и галдежомъ кофейной, я поѣхалъ на Ланжеронъ, гдѣ встрѣтилъ прогуливавшуюся со своей компаньонкой знакомую по Петербургу артистку.

Ея жалобамъ на этотъ южный городъ не было конца.

— Вы себѣ представить не можете какая здѣсь специфическая публика. Я связана контрактомъ и вынуждена пѣть, но, Боже, какая это мука! Нигдѣ въ России я не видѣла столько цинизма, такой грубой, невыдержанной толпы! Мелочные, скудные — одесситы въ то-же время очень требова-

тельны, и нужно много воли, чтобы оградить себя отъ этихъ южныхъ „меломановъ“. Въ Одессѣ установился своеобразный взглядъ на артистку и при всѣхъ моихъ усиліяхъ я не могу достаточно оградить себя отъ назойливыхъ приставаній одесскихъ ловеласовъ...

И дѣйствительно, судя по весьма недвусмысленнымъ взглядамъ, кидаемымъ встрѣчными мужчинами на мою даму, судя по этимъ маслянымъ глазамъ восточныхъ людей, — положеніе красивой артистки было, повидимому, подчасъ затруднительнымъ...

Мы сѣли на извозчика и уѣхали въ гостиницу обѣдать...

* * *

Поѣздъ отъ Одессы до мѣстечка Унгены — на румынской границѣ — тянется безконечно долго.

Правда, вы проѣзжаете по пышнымъ степямъ Бессарабии, по населеннѣйшей полосѣ юга Россіи; деревушки, города и мѣстечки мелькаютъ сплошной вереницей, и, освѣщенные яркими лучами лѣтняго солнца кажутся такими привѣтливыми, разнообразными и полными жизни.

На площадкѣ вагона такъ легко дышется: во всемъ кругомъ, и въ воздухѣ, и въ бо-

гатой растительности, и въ рыхломъ черноземѣ чувствуется благодать юга, такъ щедро вознаграждающаго болѣе чѣмъ скромный трудъ его лѣнивыхъ обитателей.

А вотъ и Унгены, небольшое еврейское мѣстечко, буквально утопающее въ зелени и грязи...

Высокии, статный жандармскіи унтеръ-офицеръ отбираетъ заграничные паспорта.

Дежурящему на станціи таможенному чиновнику я предъявилъ мой пистолетъ-браунингъ и просилъ его выдать мнѣ свидѣтельство на безошлинный обратный ввозъ въ Россію оружія.

Помѣщеніе вокзала, — куда я направился, биткомъ набито всякимъ людомъ.

Болгарскіе резервисты, разсѣянные по всему пространству Россіи, возвращаются на родину. Студенты, болгары и сербы, добровольно отправляются домой; группа русскихъ добровольцевъ — большей частью молодыхъ людей безъ опредѣленныхъ профессіи...

Юноша лѣтъ 25, убого одѣтый, но интеллигентной внѣшности, рассказываетъ слушающей его кучкѣ добровольцевъ и студентовъ свои приключенія въ Сѣверной Африкѣ, гдѣ онъ служилъ въ иностранныхъ легіонахъ.

Срѣзавшись на выпускныхъ экзаменахъ и боясь своего отца, купца стараго закала, онъ убѣжалъ изъ родительскаго дома и долгое время скитался по Россіи, питаясь чѣмъ Богъ пошлетъ...

Въ Иркутскѣ онъ нашелъ какія-то письменныя занятія, завязалъ знакомство и сталъ было подумывать о покаяніи и возвращеніи домой, но знакомство съ француженкой, бонной въ семьѣ одного генерала, и пылкая любовь къ ней, выбили его вновь изъ колеи...

Боннѣ угрожало стать матерью, ей отказали въ мѣстѣ, появилась тоска по родинѣ и на скопленные деньги, продавъ и заложивъ все, что было можно, любящая пара отправилась во Францію...

Въ Парижѣ наступили тяжелые дни; у него ни гроша денегъ, ни знанія языка, у нея страхъ за будущее и муки приближающихся родовъ...

Ее приняли въ пріютъ для роженицъ, а его послѣ долгихъ мытарствъ, голодовокъ и бессонныхъ ночей въ Булонскомъ лѣсу—кельнеромъ въ какой-то кабачекъ на Мон-мартрѣ, содержимый полячкомъ-эмигрантомъ.

Прошло нѣкоторое время, прошла и любовь къ француженкѣ, и мятежный духъ

его обрѣлъ временное успокоеніе въ иностранныхъ легіонахъ Алжира...

Непродолжительной была его военная карьера...

Онъ нагрубилъ въ строю капралу и отбывъ наказаніе, бѣжалъ изъ французскихъ колоніи.

Въ Марсели надъ нимъ сжалился капитанъ русскаго судна и забралъ его съ собой въ Одессу.

Теперь, съ 10 рублями въ карманѣ и съ узелкомъ стараго бѣлья, онъ отправляется на Балканы предложить свои услуги болгарской арміи.

Стоявшіи рядомъ съ нимъ молодой человекъ, съ симпатичнымъ русскимъ лицомъ, оказался авіаторомъ, только недавно получившимъ званіе пилота.

Онъ служилъ въ Москвѣ, гдѣ занимался автомобильнымъ дѣломъ, ѣздилъ шофферомъ, обладалъ техническими знаніями.

Въ Сербскомъ подворьѣ въ Москвѣ его снабдили рекомендательными письмами въ Бѣлградъ, откуда онъ хотѣлъ проѣхать на передовыя позиціи для совершенія полетовъ.

Какіе-то мрачные кавказцы, въ папахахъ и буркахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ за поясомъ и медалями на груди, оживленно бѣсѣдовали на лезгинскомъ нарѣчьи.

Они, оказывается, съ Дагестанскимъ коннымъ полкомъ сдѣлали послѣднюю японскую кампанію и теперь разсчитываютъ устроиться въ балканскихъ арміяхъ,—если, какъ онѣ говорили, „дадутъ лошадей и 25 р. въ мѣсяць, на всемъ готовомъ“.

Въ непривѣтливой залѣ Унгенскаго вокзала, за буфетной стойкой, скандалилъ какой-то тщедушный, пожилой французикъ: подпрыгивая на мѣстѣ, жестикулируя и волнуясь, онъ кричалъ на буфетчика, на лакеевъ, обсчитавшихъ его на 15 коп. Лакеи, хотя и знали причину негодованія француза, но, сдѣлавъ „умныя липа“, утверждали, что ничего не понимаютъ.

— *Laisse donc, laisse*,—умоляюще успокаивала его дама, лѣтъ 30, пытаясь въ то-же время оттащить отъ стойки скандалиста...

Рара, — какъ называла кафешантанная этуаль своего подвыпившаго импрессарию,—разсказалъ мнѣ въ благодарность за мои услуги переводчика,—что онъ везетъ „дочь“ на войну, въ тылъ арміи, что и онъ, и его дочь развлекали войска въ Харбинѣ, въ русско-японскую войну, и, что нѣтъ людей болѣе великодушныхъ и щедрыхъ, чѣмъ русскіе.

Вѣчерѣло, когда подали поѣздъ и публика стала усаживаться въ румынскіе, кстати—отвратительные, вагоны 3-го класса. Въ этихъ вагонахъ независимо отъ того, какой у васъ билетъ, вы должны были проѣхать мостъ черезъ р. Прутъ вплоть до румынской таможни, откуда васъ привезутъ въ Яссы въ новомъ составѣ.

На мосту поѣздъ остановили. Румынскіе жандармы, очень напоминающіе своей формой австрийскихъ, отбирали паспорта. Процедура эта продолжалась безконечно долго; затѣмъ, поѣздъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился въ таможнѣ для досмотра вещей и возвращенія паспортовъ.

Румыны придирались къ болгарскимъ резервистамъ, ища во всемъ повода для задержанія проѣзжающихъ на родину солдатъ: поздно вечеромъ поѣздъ двинулся въ дальнѣйшій путь, прибывъ въ 11-мъ часу въ Яссы, и, затѣмъ, послѣ новыхъ выжиданій, я скорымъ поѣздомъ отправился въ Бухарестъ, рассчитывая на другой день утромъ быть на болгарской территоріи.

Но не тутъ-то было.

Путешествіе отъ Бухареста до Рушука, обыкновенно совершенное въ 2¹/₂ часа, въ то время продолжалось болѣе 10 часовъ.

Спѣшно стягиваются войска къ границѣ съ Болгаріей и воинскіе поѣзда несутся слѣдомъ одинъ за другимъ.

Румынія увѣряетъ всѣхъ въ своемъ нейтралитетѣ; это не мѣшаетъ ей „на всякіи случаи“ перемѣщать войска къ Джурджии.

Поздно ночью я прибылъ въ Джурджію. Опять безконечныя румынскія формальности, отбирание паспортовъ, разспросы, записи.

Просто досадно! На противоположномъ берегу Дуная виднѣется Рушукъ, огоньки его какъ бы манятъ усталого отъ никому ненужныхъ мытарствъ путника, а тутъ—жди безъ конца пока малограмотный, грубоватый писецъ заполнитъ всѣ графы какой-то табели о проѣзжающихъ.

Обращение съ публикой, особенно съ болгарскими резервистами, поражаетъ грубостью и невѣжествомъ.

Вообще румыны, столь вѣжливые и элегантные въ Бухарестѣ, столь предупредительные въ роли музыкантовъ въ русскихъ ресторанахъ, совершенно неузнаваемы у себя, на границѣ съ Болгаріей.

Въ нихъ какъ-будто просыпается неотесанный цыганъ, проявляющіи свою некультурность на спѣшавшихъ на родину селякахъ.

Небольшой румынскій пароходишко быстро прорѣзаетъ волны Дуная, и нагруженный всякимъ скарбомъ и пестрой толпой людей, ютящихся на палубѣ, причаливаетъ къ болгарскому берегу...

Болгарская стража зорко осматриваетъ прибывшихъ на пароходѣ; у иностранцевъ отбираются паспорта и возвращаются только черезъ нѣсколько часовъ.

Пожилые обыватели города, вооруженные винтовками, несутъ караульную службу на берегу Дуная и въ городѣ.

Городъ, слабо освѣщенный керосиновыми фонариками, кажется совершенно вымершимъ... Въ окнахъ домовъ темно, на улицахъ рѣдкіе прохожіе, магазины заколочены ставнями...

Я и мой спутникъ, запасный болгарскій офицеръ, старикъ 55 лѣтъ, проживши безвыѣздно 25 лѣтъ въ Россіи и теперь возвращающійся на родину, идемъ „на огонекъ“, показавшійся на краю города... Это кофейная, единственная теперь въ городѣ... Ея содержатель, старый константинопольскій грекъ, развиваетъ передъ посѣтителеми планъ ближайшихъ военныхъ дѣйстви греческаго флота.

Его слушатели, мѣстные немногочисленные болгарскіе чиновники, съ вниманіемъ сдушаютъ стараго моряка.

Узнавъ, что мы нроѣзжіе, насъ забрасываютъ вопросами.

— Какъ относятся въ Россіи къ войнѣ? Популярна ли она? Что говорятъ въ обществѣ?

Завязывается общій разговоръ. Прибывши сюда изъ Софіи болгарскій офицеръ генеральнаго штаба прерываетъ разговоръ собесѣдниковъ:

— Пусть только великія державы не вмѣшиваются въ нынѣшній споръ славянскихъ государствъ съ Турціей. Нынѣ разрѣшается вѣковая проблема и вопросъ „быть или не быть“ долженъ рѣшиться балканскими государствами безъ посторонней помощи.

— Намъ очень дорого сочувствіе великой Россіи, но мы боимся вмѣшательства официальной Россіи. Никакія увѣщеванія не смогутъ заставить насъ отказаться отъ той территоріи, на которую ступятъ наши войска. *Мы назадъ не пойдёмъ.* Умремъ, но не уступимъ!

Была уже поздняя ночь, когда мы покинули „политическій салонъ“ константинопольскаго грека.

На вокзалѣ нельзя было добиться никакого толку — будутъ-ли и когда пассажирскіе поѣзда.

На утро отходилъ поѣздъ съ резервистами, и я, взявъ билетъ, упросилъ коменданта пріютить меня.

Путешествіе тянулось безконечно долго. Одноколейный путь Рушукъ—Софія загроможденъ воинскими поѣздами и мы, то и дѣло, останавливаемся и ждемъ пропуска 5—6 часовъ.

На полпути въ Софію я досталъ лошадей и, мѣняя ихъ черезъ нѣсколько часовъ, нагналъ какой-то поѣздъ, привезшій меня 8 октября въ Софію.

Въ столицѣ Болгаріи.

Софія пуста. Осталось только то, что не могло уѣхать, но что продолжаетъ рваться на югъ, въ армію.

Въ Софіи вы чувствуете, что попали въ страну вооруженнаго народа, гдѣ и несущіе обычную гражданскую службу одѣты въ военную форму.

И профессора, и студенты, и буржуа, и рабочіе—всѣ военные, всѣ чувствуютъ себя, хотя и въ тылу, частицами дѣйствующей арміи...

У всѣхъ, у женщинъ, дѣтей, въ рукахъ карты Балканскаго полуострова большого масштаба. По нимъ они слѣдятъ за каждымъ движеніемъ своихъ отцовъ, мужей, братьевъ, сыновей.

Ежедневно со всѣхъ концовъ свѣта прибываютъ болгары...

Не только запасные, но и лица, никогда не носившія оружія... Они прибываютъ сюда, не побывавъ по пути въ родныхъ селахъ, не повидавшись со своей семьей... Некогда сентиментальничать...

Запасныхъ обмундировываютъ и немедленно отправляютъ въ Старую Загору, въ главную квартиру, гдѣ идетъ разбивка по частямъ.

Невоенныхъ назначаютъ на различныя административныя должности, смотря по способностямъ и по роду прежнихъ занятіи.

Вотъ молодой болгаринъ, только что прибывши изъ Ю. Америки, съ каучуковыхъ плантацій. По одеждѣ, коротко подстриженнымъ усамъ и манерѣ держать себя—онъ совсѣмъ похожъ на янки... Онъ прожилъ въ странѣ доллара 20 лѣтъ, скверно говоритъ на родномъ языкѣ. Онъ оставилъ семью, бросилъ торговлю, домъ и поторопился сюда, предложивъ Родинѣ свои средства и самого себя.

Его назначили въ одинъ изъ транспортовъ завѣдывать отправкой хлѣба въ армію.

Вотъ группа болгарскихъ курсистокъ, только что прибывшихъ изъ Парижа. Онѣ съ утра осаждаютъ военное министерство, прося скорѣй отправить ихъ въ армію.

Изящный адъютантъ военнаго министра успокаиваетъ ихъ, просить повременить до обѣда, такъ какъ военный министръ совѣщается съ только что прибывшимъ изъ Петербурга генераломъ Паприковымъ.

Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ идетъ лихорадочная работа... Сюда перенесли бюро военной цензуры, раньше находившееся въ здании главнаго почтамта.

Цензоры, съ небольшими перерывами для обѣда и ужина, читаютъ депеши военныхъ корреспондентовъ на всѣхъ языкахъ. Они не пропускаютъ ни одного официально не провѣреннаго извѣстія, вычеркиваютъ все относящееся къ расположению болгарскихъ войскъ, — словомъ, военная тайна соблюдается строжайше... Депеши, пройдя первую цензуру, попадаютъ въ руки проф. Цанова, который дѣлаетъ еще свои сокращенія. Массу времени отнимаютъ у цензоровъ депеши американскихъ и англискихъ журналистовъ въ тысячу и болѣе словъ каждая.

Телеграфъ едва справляется съ массой депешъ. Штаты сокращены, лучше чиновники отправлены въ армпо.

Цѣлый рядъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ необходимость организовать сѣть корреспондентовъ въ болгарской арміи, задержали меня еще на нѣсколько дней въ Софіи. Такимъ образомъ, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ того подъема и повышеннаго настроенія.

которые были вызваны совершенно неожиданным падением Лозенграда (Киркелиса).

Въ 5 часовъ пополудни, когда обычная толпа стояла у зданія министерства, читая вывѣшенные у подъѣзда официальные бюллетени военныхъ дѣйствій, на балконѣ министерства появился адъютантъ и взволнованно поздравилъ присутствовавшихъ со взятіемъ Лозенграда.

Черезъ нѣсколько минутъ вѣсть эта облетѣла весь городъ и буквально все, что осталось въ Софіи, высыпало на улицу, кидаясь другъ другу на шею, цѣлуясь, поздравляя съ великой побѣдой.

На площади Народнаго Собрашя группы сановниковъ и иностранныхъ дипломатовъ обмѣниваются впечатлѣніями. Русскій посланникъ г. Неклюдовъ спѣшитъ къ стоящему съ нѣсколькими коллегами г. Гещову и спрашиваетъ его взволнованно—правда ли, что Лозенградъ взятъ; получивъ подтвержденіе отъ предсѣдателя совѣта министровъ, крестится и поздравляетъ болгаръ.

Въ церквахъ звонятъ въ колокола. Люди, интеллигентные, воспитанные не ходятъ, а скачутъ по улицамъ, ища знакомыхъ и родныхъ, чтобы подѣлиться заполняющими ихъ чувствами.

Чиновники, служащие бросили свои конторы и выбѣжали на улицу...

Толпа, громадная толпа, пестрая и разношерстная двигается по улицѣ Царя-Освободителя и, остановившись у царскаго дворца, поетъ съ паѳосомъ „Шуми Марица“, затѣмъ направляется къ зданію военнаго министерства, а оттуда—къ роскошному особняку министра-президента Гешова.

Въ домѣ г. Гешова темно, его нѣтъ дома, и напрасно ждетъ толпа его появленія.

Онъ созвалъ своихъ коллегъ и засѣдаетъ съ ними въ зданіи совѣта министровъ.

Болгарскіи военный министръ генераль Никифоровъ, бесѣдовавшій со мною въ этотъ историческій для Болгаріи день, сказалъ, что столь быстрого взятія Лозенграда ни онъ, ни его коллеги не ожидали. Крѣпость была оборудована великолѣпно, самъ фонъ-деръ-Гольцъ-паша руководилъ работами по ея укрѣпленію, придавая важное стратегическое значеніе Лозенграду.

Моральное значеніе этой побѣды, въ смыслѣ подъема духа арміи, громадно; въ то-же время, по словамъ генерала, бой у Лозенграда, который министръ назвалъ вто-

рой Шипкой, служить показателемъ настроенія войскъ, сдѣлавшихъ въ нѣсколько дней то, на что, въ сущности, нужны недѣли.

* *

Направляюсь въ военную цензуру. Цензора,—профессора и студенты,—отсутствуютъ. Моментъ слишкомъ необычайный, чтобы оставаться въ залѣ корреспондентовъ и читать депеши журналистовъ. Тщетно ждемъ цензоровъ цѣлый часъ, звонимъ по телефону—никого дома нѣтъ. Съ трудомъ находимъ ихъ на улицѣ, просимъ прочесть наши депеши и приложить печать.

На телеграфѣ толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ ждетъ очереди: это запросы въ главную квартиру матерей, женъ, сестеръ о судьбѣ сыновей, мужей и братьевъ.

Въ 10 часовъ вечера физиономія города все та же. Стоитъ прекрасная южная ночь, тишину которой нарушаютъ крики „ура“ и пѣніе „Шуми Марица“.

Съ вокзала тянется санитарный обозъ. То пришелъ поѣздъ съ ранеными изъ Старой Загоры. Ихъ направляютъ въ городскую больницу, переполненную солдатами съ театра войны.

Помощь раненымъ, въ видѣ перевязоч-

ныхъ средствъ, медицинскаго персонала,— самый больной вопросъ въ болгарской арміи. Онъ тревожитъ здѣсь очень многихъ.

Сажу у себя въ номерѣ гостиницы за картой театра военныхъ дѣйствій.

Крики „ура“ и громкія пѣсни отрываютъ меня отъ письменнаго стола. Выхожу на улицу: это болгарскіе добровольцы, сопровождаемые уличной толпой, идутъ на вокзалъ, направляясь въ армію...

Они украшены цвѣтами; лица у всѣхъ сіяющія, праздничныя... Они счастливы, что примутъ участіе въ великомъ національномъ праздникѣ родины. На ряду съ добровольцами, ежедневно отправляемыми въ армію цѣлыми сотнями, призывается спѣшно срокъ службы 1912 г., хотя обычно такой призывъ совершается лишь въ январѣ; кромѣ того, имѣется ввиду призвать также сроки службы 1913 и 1914 годовъ, что должно дать наборъ въ 80.000 человекъ. Прибавьте къ этому сотни четниковъ, ежедневно пополняющія ряды регулярныхъ войскъ, массу добровольцевъ, предлагающихъ свои услуги со всѣхъ сторонъ, боевыхъ офицеровъ русской службы, осаждающихъ военное министерство просьбами о назначеніи въ

армию, и вы получите картину того, какъ энергично пополняются кадры болгарской армии.

На софійскомъ вокзалѣ невѣроятное оживленіе; буквально весь городъ здѣсь: прибылъ санитарный поѣздъ съ ранеными подъ Лозенградомъ.

Въ обыкновенныхъ товарныхъ вагонахъ лежатъ, сидятъ и стоятъ раненые, большею частью легко, герои Лозенграда; пѣхотинцы разныхъ частей войскъ, рѣже кавалеристы.

Всмотритесь въ лица раненыхъ, побесѣдуйте съ ними, разспросите ихъ про бои, въ которыхъ они участвовали, и вы убѣдитесь, что передъ вами сильный народъ, черпающій свою мощь, энергію и безграничную храбрость въ сознательной любви къ Родинѣ!

Для нихъ—этихъ сѣрыхъ рыцарей—семья и родина—понятія однозначущія и въ своемъ самоотверженіи, въ своей безавѣтной храбрости они не видятъ ни подвига, ни героизма. Искалѣченные и изуродованные, израненные ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, контуженные кто въ голову, кто въ грудь, они рвутся обратно въ бой, на линію огня.

Ихъ буквально заставили сюда пріѣхать. Тысячи болгарскихъ женщинъ, нагружен-

ныхъ хлѣбомъ, закусками, сладостями, протягиваютъ руки, полныя гостинцевъ, своимъ братьямъ и сыновьямъ; это не дѣланная, разсчитанная на эффектъ благотворительность! Нѣтъ, просто, безъ всякой театральности, безъ жеманства, пришли сюда сестры и матери встрѣтить своихъ близкихъ и обласкать ихъ отъ чистаго сердца, отъ всей души!

Но вотъ санитарныя повозки увозятъ лозенградскихъ героевъ въ госпитали... Каждую повозку, двигающуюся шагомъ, сопровождаетъ публика, любопытствующая узнать отъ раненыхъ подробности этого кровопролитнаго сраженія.

Въ числѣ раненыхъ много турокъ. Все молодые парни, лѣтъ 18—19 на видъ. Недавніе враги благодушно бесѣдуютъ межъ собой, дѣлясь впечатлѣніями боевъ.

На смѣну выбывшихъ изъ строя отправляются новыя партіи; тутъ-же рядомъ, на другой платформѣ, длинной вереницей стоятъ воинскіе поѣзда, нагруженные людьми, лошадьми, двуколками; то и дѣло подѣзжаютъ подводы съ хлѣбомъ, мукой, мясными консервами. Вагоны быстро нагружаются. Работаютъ всѣ отъ стрѣлочника до начальника станціи, снявшаго свой мундиръ съ погонами и превратившагося на время въ чернорабочаго.

Сейчасъ на легковыхъ извозчикахъ привезли нѣсколько десятковъ мѣшковъ пиленаго сахару; его собрали во всѣхъ магазинахъ и мелкихъ лавченкахъ, и въ то время въ Софи не нашли бы ни одного куска сахару.

Два студента и одинъ гимназистъ быстро переносятъ мѣшки въ вагонъ и черезъ десять минутъ поѣздъ безшумно удаляется въ Филиппополь.

Кипить жизнь и въ царскомъ дворцѣ.

Царица Элеонора съ фрейлинами своего двора съ раннего утра распоряжается отправленіемъ пожертвованіи на театръ военныхъ дѣйствій. Дамы и дѣвицы здѣшняго общества приносятъ во дворецъ бѣлье, табакъ, обувь, кисеты съ табакомъ, печенье, сахаръ, чай, почтовую бумагу, крестики... Все это упаковывается и распределяется Царицей по частямъ войскъ.

Августѣйшая благотворительница, умудренная опытомъ русско-японской войны, комбинируетъ цѣнные для воина предметы и у всякаго солдата, на долю котораго выпадетъ счастье получить пакетъ изъ дворца, будегъ въ небольшомъ мѣшечкѣ самое необходимое въ его обиходѣ на походѣ.

Отъездъ въ Сербію.

Сербская главная квартира, куда я направлялся, пребывала, по имѣвшимся въ Софіи свѣдѣніямъ, въ небольшомъ городишкѣ Враньѣ, въ южной Сербіи, недалеко отъ турецкой границы. Нужно было добраться прежде всего до города Нишъ, а оттуда съ воинскимъ поѣздомъ во Вранью. Я отправился на вокзалъ, надѣясь съ первымъ-же поѣздомъ уѣхать изъ болгарской столицы, но былъ немало удивленъ, когда глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина:

Софійскіи вокзалъ превратился положительно въ военный лагерь сербской арміи; сотни солдатъ въ характерной формѣ сербской арміи—въ сѣромъ съ головы до ногъ, въ головныхъ уборахъ-мѣшочкахъ изъ сѣраго шинельнаго сукна.

На всѣхъ тупикахъ вокзала стоятъ въ ожиданіи отправленія воинскіе поѣзда... Это эшелоны сербскихъ войскъ, прибывшихъ изъ Куманова, гдѣ они выдержали ожесточенный бой; часть этихъ войскъ послѣ пораженія

турокъ подѣ Кумановымъ, была направлена форсированнымъ маршемъ на сѣверъ, къ Враньѣ, затѣмъ по желѣзной дорогѣ въ Нишъ, оттуда въ Софію, а сегодня отправляется на югъ, въ подкрѣпленіе болгарской арміи, осаждающей Адрианополь.

Передвиженіе совершается быстро, а для его ускоренія транспорты раненыхъ болгарской арміи задерживаются пока на югѣ и пропускаются сербскіе воинскіе поѣзда.

Сербскіе горнисты играютъ сборъ... Солдаты быстро занимаютъ свои мѣста на нарахъ товарныхъ вагоновъ... Всѣ молодежь, получившая боевое крещеніе подѣ Кумановымъ; есть много легко раненыхъ, оставшихся въ строю.

Солдаты недурно одѣты, хорошо снаряжены. На многихъ вмѣсто обычныхъ балканскихъ царвулей (онучей) — новая турецкая обувь, забранная ими подѣ Кумановымъ, турецкіе вещеые мѣшки, баклаги, патронныя сумки.

Солдаты, участвовавшіе въ штыковомъ бою, рассказываютъ много интереснаго про албанцевъ, не принимающихъ штыковыхъ ударовъ и съ криками „Алла“ обращающихся въ бѣгство; быть убитыми штыкомъ, теса-

комъ они будто-бы считаютъ оскорбительнымъ для мусульманъ...

Мой собесѣдникъ — офицеръ, командовавши батальономъ подъ Кумановымъ, указываетъ на слѣдующую характерную черту непріятели: считая кощунствомъ при отступлении оставлять убитыхъ во власти непріятели, турки возятся со своими покойниками, зарываютъ ихъ въ землю, уносятъ съ собою, бросая въ то же время свои орудія и обозы...

Нашу бесѣду прервалъ звонокъ, призывавши меня въ поѣздъ на Нишъ.

Въ городкѣ Нишѣ.

Маленькии городокъ, съ его бѣленькими одноэтажными домиками, уютными садиками, давно уже потеряли печать еще сравнительно недавняго владычества въ немъ турокъ.

Вѣдь только въ 1878 году князь Миланъ Обреновичъ освободилъ Нишъ отъ турецкаго ига, и за эти 34 года физиономія Ниша, по рассказамъ очевидцевъ, измѣнилась до неузнаваемаго.

Преобладавшее когда-то здѣсь мусульманское населеніе постепенно перекочевало на югъ, за Ускюбъ, и теперь турокъ осталась здѣсь незначительная горсточка.

Но турки оставили послѣ себя слѣдъ, который никогда не изгладится изъ памяти сербовъ.

Это—построенная турками изъ череповъ христіанъ башня Келе-Куля.

Не думайте, что это произошло въ средніе вѣка! Нѣтъ, это чудо своеобразной архитектуры и вандализма было воздвигнуто правовѣрными всего 100 лѣтъ тому назадъ, слѣдовательно на глазахъ нашихъ дѣдовъ и

бабушекъ! Въ 1804 году, во время перваго возстанія сербовъ противъ угнетателей, возстанія, которымъ руководилъ Кара-Георгій, турецкій паша, потерпѣвъ поражение у Ниша, платилъ 25 нѣстровъ за каждую сербскую голову и въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города выстроилъ башню изъ 952 череповъ.

Изобрѣтательный паша укладывалъ въ рядъ христіанскія головы, цементируя ихъ известью, затѣмъ слѣдовала такая же надстройка, и т. д., на высоту 25 метровъ.

Сербы порою похищали головы своихъ братьевъ и предавали ихъ погребенію, и слѣды такого рода выемокъ видны и сейчасъ въ башнѣ Келе-Куля; оставшіяся головы сохранились и понынѣ во всей неприкосновенности. Башня эта, — живой памятникъ турецкаго владычества, — окружена небольшою часовней, построенной въ 1904 году, въ столѣтнюю годовщину возстанія.

На мраморной доскѣ, прикрѣпленной у входа въ часовню, имѣется надпись: „1804—1904 гг. Первому освободителю послѣ Косова— Кара-Георгію благодарные потомки“.

Въ центрѣ города расположена нишская крѣпость, съ ея высокими кирпичными стѣ-

нами и обитыми толстымъ желѣзомъ сѣверными и южными воротами.

Въ крѣпости — казармы квартирующей здѣсь въ мирное время моравской дивизіи.

Селякъ юга Сербіи.

Сейчасъ эти казармы заполнены плѣнниками, захваченными сербами подъ Кумановымъ и Кратовымъ.

На нарахъ, на полу у печки, покуривая “трубки... мира“, сидятъ мрачные албанцы,

съ ихъ загорѣлыми лицами и хмурымъ, непривѣтливымъ выраженіемъ.

Ихъ здѣсь, говорятъ, довольствуютъ не хуже чѣмъ сербскихъ нижнихъ чиновъ въ мирное время.

Характерно, что на ряду съ албанцами весьма почтеннаго возраста, у которыхъ сѣдѣютъ волосы, вы можете видѣть безусыхъ юношей, 17—18 лѣтъ; это турки изъ малоазіатскихъ вилайетовъ.

Я обхожу нары, всматриваюсь въ физиономіи албанцевъ и... вижу передъ собой... особу женскаго пола, старуху-албанку, лѣтъ 70-ти...

— Кто это дама?—спрашиваю я сопровождающаго меня артиллерійскаго капитана, владѣющаго французскимъ языкомъ и любезно согласившагося быть моимъ чичероне.

— Представьте себѣ, — говоритъ капитанъ, — эта живая развалина принимала дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: она приносила на позиціи албанцамъ бомбы; кромѣ того, занималась шпионствомъ, разчитывая на безнаказанность въ виду своего возраста и пола.

Турецкая Жанна д'Аркъ чувствуетъ себя, новидимому, весьма недурно въ многочисленномъ, окружающемъ ее мужскомъ обществѣ;

сладко затягиваясь папироской, она что-то оживленно рассказывает своему сосѣду.

Я вручаю „дамѣ“ десять франковъ, которые она съ достоинствомъ отъ меня принимаетъ, благодаря кивкомъ головы, и продолжаетъ бесѣду съ сосѣдомъ. Въ слѣдующемъ баракѣ—сплошь плѣнные христіане, добровольно отдавшися въ руки сербовъ; это турецкіе подданные—болгары, греки, населяющие Старую Сербію и насильно захваченные турками въ ряды войскъ.

На нихъ нѣтъ никакого обмундирования, никакого снаряженія, и кто въ чемъ былъ—кто въ лохмотьяхъ, кто въ рваныхъ лаптяхъ,—„загонялся“ въ строй турецкой арміи, снабжаемый винтовкой, патронами и кускомъ хлѣба.

Въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ нишскаго гарнизона, я отправляюсь на окраину города, въ военный госпиталь, куда безконечной вереницей подвозятъ раненыхъ подъ Кумановымъ...

Обстановка, въ которой лежатъ раненые, оставляетъ желать многого во всѣхъ отношеніяхъ...

Духота въ палатахъ, пыль и грязь невообразимыя... Отсутствие перевязочныхъ мате-

ріаловъ, сестеръ, врачей... Словомъ, полная неподготовленность въ санитарномъ отношеніи, хаосъ, и безтолковая суетливость въ уходѣ и распредѣленіи раненыхъ... Получается такое впечатлѣніе, какъ-будто сербы совершенно не рассчитывали имѣть потери въ своихъ рядахъ и не подготовлялись для ухода за ранеными.

Несчастные ждутъ часами перевязки. а тяжелые случаи, когда необходимо скорѣе вмѣшательство хирурга, кончается печально.

И рядъ гробовъ, уставленныхъ въ сосѣдней мертвецкой, открытыхъ и на скорую руку сколоченныхъ и страдальческія лица обрѣвшихъ въ нихъ послѣдніи пріютъ турокъ, албанцевъ, сербовъ, являются живымъ укоромъ виновникамъ этого серьезнаго дефекта сербской арміи.

Сопровождавшій меня, только что прибывшій изъ Москвы русскій хирургъ, всмотрѣвшись въ характеръ раненіи покойниковъ, сказалъ мнѣ, что добрую половину могла бы спасти своевременная помощь.

Но уйдемъ скорѣе изъ этой душной, проникнутой запахомъ разлагающихся труповъ покойницкой! Скорѣе на воздухъ!

Во дворъ госпиталя вѣзжаютъ безъ конца повозки съ тяжело ранеными жертвами кровопролитнаго Кумановскаго боя...

Въ глазахъ многихъ раненыхъ вы читаете скорбныя мысли о близкой кончинѣ. Эти глаза посылаютъ прощальный привѣтъ своему теплому южному солнцу, заходяще лучи котораго такъ красиво озаряютъ окружающія Нишъ, покрытыя пышной растительностью, горы...

Наступаетъ вечеръ, теплый южный вечеръ, полный спокойствія и нѣги.

И не вѣрится, что неподалеку отъ Ниша, этого красиваго уголка южной Сербии, патриархальнаго, уютнаго городка, — витаетъ смерть, унося тысячи жизней въ преждевременныя могилы...

Изъ Ниша въ сербскую главную квартиру.

Въ Нишѣ я оставилъ всѣ мои вещи, ненужныя въ походной обстановкѣ.

По опыту прежнихъ походовъ я зналъ, какимъ балластомъ является въ полѣ лишній багажъ и какъ стѣсняетъ онъ всякое передвиженіе...

Такіе предметы, какъ походная кровать или спальный мѣшокъ, несомнѣнная роскошь въ полѣ и ее могутъ позволить себѣ только англійскіе военные корреспонденты, отправляющіеся на театръ военныхъ дѣйствій съ цѣлымъ штатомъ прислуги, множествомъ колясокъ и лошадей...

И хотя я ограничился самымъ необходимымъ въ обиходѣ военного корреспондента, у меня все-таки получилось цѣлыхъ 3 чемодана багажа, не считая палатки, сѣдла и походной сумки для письменныхъ принадлежностей, плановъ и картъ.

Отъ Ниша начались истыя мытарства и множество злключеній, этихъ обычныхъ спутниковъ всякой войны.

Биткомъ набитые вагоны, въ которыхъ офицеры въ перемежку съ солдатами сидѣли и лежали гдѣ и какъ попало, множество людей неизвѣстно зачѣмъ и куда направлявшихся, женщинъ и дѣтей, искавшихъ своихъ мужей и отцовъ, депутатовъ скупщины, пожелавшихъ посмотреть войну и просто праздныхъ людей, которымъ не сидѣлось на мѣстѣ.

Никто въ точности не зналъ—гдѣ находится въ настоящее время главная квартира—во Враньѣ или уже въ Ускюбѣ.

Да и вообще—никто ничего не зналъ, не исключая комендантовъ станцій...

Поѣздъ повсюду стоялъ по 5—6 часовъ и трудно было сказать—когда мы доберемся до Враньи.

— Почему мы стоимъ,—любопытствовали пассажиры.

— Линія занята,—слышался всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ.

Между тѣмъ совершенно не было видно, чѣмъ именно она занята, и за все время нашихъ скитаній отъ Ниша и до Враньи, вгеченіе 1½ сутокъ, намъ попались навстрѣчу всего 2 поѣзда.

На другой день, подъ вечеръ, мы добрались до Враньи.

Голодный и холодный я выскочилъ въ буквальный смыслъ слова изъ вагона, выгрузилъ мой багажъ и сталъ искать лошадей.

Это былъ напрасный трудъ; кругомъ ни людей, ни лошадей, а городъ въ 3-хъ верстахъ отъ станци. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, вѣтеръ дулъ безжалостно, было холодно и уныло.

Я кидался за совѣтомъ, за помощью то къ тѣмъ, то къ другимъ.

Но никому нѣтъ до васъ дѣла, никто не поинтересуется, какъ и когда вы доберетесь до гостинницы.

Ясно было, что здѣсь можно разсчитывать только на самого себя.

Надвигалась ночь, я сталъ золь отъ нестерпимаго голода и въ то время какъ я, беспомощно стоя у подъѣзда вокзала, обдумывалъ способъ добраться до города, подкатилъ военный автомобиль.

Я спросилъ шоффера за кѣмъ онъ пріѣхалъ.

— Не знаю, по телефону потребовали.

— Берите мои вещи скорѣй и везите въ городъ.

Шофферъ покорно уложилъ багажъ, я сѣлъ въ удобный могорь, и только отъ-

ѣхавъ $\frac{1}{2}$ версты, онъ сообразилъ, что быть-можетъ, везеть не того, кого надо.

— А кто вы такой, спросилъ шофферъ, остановивъ машину.

— Я прежде всего человѣкъ, желающій согрѣться, поѣсть, а затѣмъ отправиться въ сербскую верховную команду.

Шофферъ задумчиво взглянулъ на меня и сталъ поворачивать моторъ обратно къ вокзалу.

— Стой!—вскрикнулъ я. Вези въ городъ, я отвѣчаю передъ твоимъ начальникомъ.

— Не могу.

Я досталъ изъ кошелька 20 франковъ и вручилъ ихъ шофферу.

Магически подѣйствовало. Какъ вѣгеръ полетѣли мы въ городъ и черезъ 10 минутъ я очутился въ столовой гостиницы, переполненной всякимъ военнымъ людомъ.

— Гдѣ главная квартира,—спросилъ я офицера генеральнаго штаба, усѣвшагося за мой столъ.

— Въ Ускюбѣ, третьяго дня переѣхали.

Король и дворъ оказались еще во Вранѣ: Пашичь тоже. Сорокъ съ чѣмъ-то военныхъ корреспондентовъ вчера выѣхали въ Ускюбъ.

— Вы опоздали на 1 день и вамъ трудно будетъ теперь добраться до Ускюба, да и не

пропустятъ васъ въ предѣлы *недавней* Европейской Турци,—порадовалъ меня мой собесѣдникъ.

— Я радъ, что благодаря успѣху сербскаго оружія ваша главная квартира съ удивительной быстротой передвигается съ одного города въ другой, но, согласитесь, не моя вина въ томъ, что изъ Ниша во Вранью меня везли двое сутокъ.

Офицеръ сталъ мнѣ совѣтовать снестись телеграфомъ съ „верховной командой“, но, зная по опыту какъ доходятъ и какъ отвѣчаютъ въ военное время на телеграммы, выпилъ на-скоро турецкаго кофе и отправился къ г. Пашичу, котораго зналъ по Петербургу.

Сербскій премьеръ узналъ меня и на его красивомъ лицѣ, окаймленномъ большой бѣлой бородой, появилась добрая, привѣтливая улыбка.

Подали кофе, за которымъ г. Пашичь разсказалъ мнѣ объ успѣхахъ сербовъ въ Македоніи, разсказалъ объ энтузіазмѣ народа и его надеждѣ на силу и мощь балканскаго союза.

Премьеръ очень интересовался — какое впечатлѣніе производятъ въ Россіи успѣхи славянъ.

— Въ Петербургъ и Москвѣ я былъ всего два дня,—куда я прибылъ изъ далекой Азіи,—и вслѣдъ за этимъ отправился на Балканы,—отвѣтилъ я,—а вотъ сейчасъ помогите мнѣ скорѣй добраться до Ускюба; вотъ мои бумаги отъ редакціи и отъ Императорской русской миссіи, удостовѣряющія мое званіе.

— Я ѣду завтра вечеромъ въ Ускюбъ и все вамъ устрою. Послѣ завтра получите телеграмму съ пропускомъ въ армію за подписью начальника верховной команды.

Зная по опыту какъ на войнѣ исполняются обѣщанія, и, не желая зря тратить на ожиданіе нѣсколько дней, я отправился спать съ тѣмъ, чтобы встать съ разсвѣтомъ и караулить на вокзалѣ поѣздъ въ Ускюбъ.

Въ гостинницѣ стояло столпотвореніе Вавилонское. Клубы табачнаго дыма затуманивали все кругомъ; стоялъ невообразимый шумъ, толкотня и давка; въ углу сидѣли какія-то женщины и громко плакали: онѣ узнали, что ихъ мужья убиты подъ Кумановымъ; въ другомъ углу, за большимъ столомъ, сидѣла группа офицеровъ и, опорожняая стаканы краснаго вина, громко бесѣдовала, перекрикивая другъ друга. По серединѣ зала князь Алексѣй Кара-Георгіевичъ, родствен-

никъ короля Петра, что-то рассказываль, волнуясь, своимъ сосѣдямъ-офицерамъ.

Узнавъ, что я корреспондентъ, князь подошелъ къ моему столу, познакомился и предложилъ пересѣсть за его столъ.

Князь Алексѣй Кара-Георгиевичъ, живущи обыкновенно въ Парижѣ, гдѣ онъ занимается коммерческими дѣлами, опредѣленнаго положенія въ арміи не занималь.

Худощавый, стройный мужчина, на видѣ лѣтъ 45, онъ довольно щеголевато и умѣло для статскаго человѣка носиль свою военную форму сербскаго кавалериста.

Онъ очень много путешествоваль, много видѣль, хорошо знаетъ Россію и прекрасно говорить на многихъ языкахъ.

Парижъ онъ знаетъ, какъ родной городъ, тамъ у него много связей и знакомыхъ.

Въ общемъ, очень милый интересный собесѣдникъ.

За бутылкой вина мы просидѣлп до глубокой ночи, вспоминая цѣлое множество общихъ знакомыхъ въ Сибири и Туркестанѣ, гдѣ князь до дѣламъ своимъ побываль неоднократно.

Мы разстались съ тѣмъ, чтобы въ ближайше дни встрѣтиться въ Ускюбѣ.

Вагонъ третьяго класса, въ которомъ я кое-какъ размѣстилъ свой багажъ и съ трудомъ устроился самъ, дойдя до недавней границы съ Турціей былъ почему-то отцѣпленъ.

Въ Ристовацѣ—такъ называется пограничная станція—мы простояли подъ открытымъ небомъ, съ котораго падали крупныя капли дождя, цѣлую ночь.

И здѣсь никто ничего не зналъ и не хотѣлъ знать—когда будетъ поѣздъ въ Ускюбъ?

Сегодня или завтра, послѣзавтра,—отвѣчалъ комендантъ, офицеръ, призванный изъ запаса.

На другой день, къ воинскому поѣзду, шедшему изъ Бѣлграда въ Ускюбъ прицѣпили одинъ товарный вагонъ; толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ стала брать штурмомъ этотъ вагонъ; полетѣли, какъ бомбы чемоданы, коробки, раздавались крики „потерпѣвшихъ“, влѣзали другъ другу на голову, и въ результатѣ въ вагонъ набралось около 90 человѣкъ! Приходилось стоять на собственныхъ чемоданахъ.

Поѣздъ тронулся, останавливаясь каждые 15 минутъ и двигаясь все время черепашьимъ шагомъ! Это было ужасное путешествіе! Глаза слипались отъ усталости, ноги подкашивались, духота невѣроятная, да еще голодъ и жажда.

На станціяхъ поѣздъ стоялъ по 12 часовъ, но, увы, куска хлѣба нельзя было достать.

Телеграфистъ безстрастно стучалъ на аппаратѣ: тутъ-же въ конторѣ храпѣли, лежа на полу солдаты, служащіе станци, а кругомъ—покинутые турками пустые домики, изъ которыхъ все, что можно было, давно забрано и съѣдено.

Потерявъ надежду найти что-нибудь поѣсть,—я мрачно вернулся въ свой вагонъ.

Тамъ группа какихъ-то бѣлградцевъ, на видъ интеллигентныхъ, устроилась вокругъ большого сундука, на которомъ была зажжена свѣча, и съ аппетитомъ, чмокая губами, ѣла колбасу, запивая виномъ. Я съ завистью смотрѣлъ на счастливецъ и горячо полюбилъ-бы того изъ нихъ, кто бы могъ предложить принять участіе въ этой трапезѣ.

Но они только изрѣдка и исподлобья взглядывали на меня, какъ-бы опасаясь моихъ завистливыхъ глазъ.

Они ѣли долго, потомъ безъ конца тянули красное македонское вино, и покуривая толстыя папиросы, оживленно бесѣдовали.

У нихъ осталось еще много съѣстныхъ припасовъ, которые они предусмотрительно завернули въ бумагу и спрятали въ корзинку.

Остальные пассажиры, стараясь не гля-

дѣтъ въ сторону „крэзовъ“, уныло жевали куски бѣлаго хлѣба.

Почему я не захватилъ съ собою съѣстныхъ припасовъ,—упрекалъ я самого себя,—но, вѣдь, трудно было допустить, что въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Враньи ничего нельзя будетъ достать!

Пронзительный голодъ, притупляемый нѣсколько куреніемъ табаку, и невозможность не только поспать, но и прилечь,—издергали нервы, надломили силы и я молилъ Бога помочь мнѣ скорѣй достигнуть Ускюба.

Въ Ускюбѣ.

Въ Ускюбѣ я засталъ тревожное настроеніе. Турецкое населеніе было угнетено послѣдними событіями, такъ неожиданно измѣнившими судьбу мусульманъ Европейской Турціи.

Послѣ Кумановскаго боя и безпорядочнаго отступленія турецкихъ войскъ, командующій арміей Фетхи-паша рѣшилъ оказать сербамъ сопротивленіе подъ Ускюбомъ, этимъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ Сѣверной Македоніи.

Окружающія Ускюбъ горы Шаръ-Дагъ, Люботерна и Церна Гора представили-бы прекрасныя позиціи для защиты этого города, а преобладающее въ Ускюбскомъ санджакѣ мусульманское населеніе затруднило-бы операциі сербскихъ войскъ.

Умудренный опытомъ Кумановскаго боя, Фетхи-паша,—убитый впослѣдствіи шальной пулей подъ Монастыремъ,—готовясь къ рѣшительному сраженію, выставилъ въ первую линію отборныя турецкія войска и принялъ

на себя личное руководство артиллерійскимъ огнемъ.

Бой подъ стѣнами Ускюба угрожалъ многочисленному населенію этого города, среди котораго было много христіанъ.

Открыто обнаруживаемая христіанской райей симпатіи въ пользу Кумановскихъ побѣдителей озлобляли мусульманъ и страсти съ каждымъ часомъ все болѣе разгорались...

Въ городской тюрьмѣ начались волненія...

Возникли опасенія за участь заключенныхъ христіанъ, среди которыхъ было много болгарскихъ учителей, священниковъ и македонскихъ общественныхъ дѣятелей. Рассчитывать на турецкую власть, растерявшуюся и поколебленную послѣ неудачъ турецкаго оружія было нельзя... Положеніе становилось грознымъ.

Въ эти тревожные дни всеобщей растерянности и грозныхъ призраковъ активную роль взяла на себя Россія, въ лицѣ своего генеральнаго консула А. Д. Калмыкова, своей находчивостью и энергіей положительно спасшаго положеніе.

А. Д. Калмыковъ, не рассчитывая на распорядительность турокъ, взялъ инициативу въ свои руки.

Русскій генеральный консуль А. Д. КАЛМЫКОВЪ

Въ качествѣ старшины консульскаго корпуса въ Ускюбѣ, онъ указалъ иностраннымъ консуламъ на опасность, угрожающую европейцамъ и на необходимость предупредить сражение подъ стѣнами Ускюба, добровольной сдачѣ котораго сербамъ должны способствовать иностранные консулы.

Характерно, что русскому консулу удалось убѣдить въ своемъ взглядѣ и своего

австро-венгерскаго коллегу, который, какъ это видно изъ послѣдующаго, во всемъ способствовалъ А. Д. Калмыкову.

Подготовивъ почву среди политическихъ агентовъ иностранныхъ державъ, русскіи консуль созвалъ къ себѣ Ускюбскаго вали (генераль-губернатора), городского голову и видныхъ турецкихъ нотаблей, которымъ доказалъ бесполезность сопротивленія сербскому оружію и преимущества сдачи Ускюба безъ боя.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ А. Д. Калмыковымъ, турки, отправили депутацию къ Фетхи-пашѣ съ предложениемъ сдать городъ сербамъ.

Командиръ Ускюбскаго корпуса—онъ-же командующій арміей—Фетхи-паша никакъ не ожидалъ встрѣтить такое настроеніе среди мусульманъ, и, не зная истинной подкладки этого обращенія,—на утро покинулъ Ускюбъ, отступивъ со своими войсками, въ сущности, безъ всякой необходимости, —по направленію къ Велесу.

Очистивъ городъ отъ турецкихъ войскъ, русскій консуль фактически вступилъ въ управленіе Ускюбомъ, и, съ цѣлью предупредить рѣзню христіанъ, грабежи и убійства, немедленно организовалъ охрану изъ мѣстныхъ

христіанъ, главнымъ образомъ, болгарскихъ гражданъ.

Представители турецкой власти, опасаясь мусульманской черни и албанцевъ, разбѣжались кто куда могъ, а Ускюбскіи вали, которому угрожали смертью, скрывался въ русскомъ консульствѣ, пока А. Д. Калмыковъ не отправилъ его подъ охраной консульскихъ кавасовъ и на своихъ лошадяхъ, на югъ, въ Велесъ.

Стоило только экипажу, увозившему вали изъ консульства, свернуть съ набережной Вардара и ступить на старинный каменный мостъ черезъ рѣку Вардаръ, какъ раздались выстрѣлы, сразившіе секретаря вали, ранившие кучера и каваса, и только чудомъ миновавшіе вали, благополучно достигшаго района расположенія турецкихъ войскъ.

И такъ, власть надъ городомъ и его окрестностями очутилась въ рукахъ представителя Россіи.

Водворивъ порядокъ въ городѣ, успокоивъ взволнованное население, русскіи консуль лично отправился въ городскую тюрьму и настоялъ на немедленномъ освобожденіи всѣхъ политическихъ заключенныхъ.

Энергичное требование консула было исполнено въ его присутствіи и несчастные,

главнымъ образомъ болгары, со слезами умиленія выбѣгали изъ тюремнаго двора. Тюрьма расположена въ турецкой части города и консулъ, опасаясь какихъ-нибудь эксцессовъ со стороны туземной черни, организовалъ стражу изъ мѣстныхъ гражданъ, вооружилъ ее и подъ ея конвоемъ отправилъ освобожденныхъ въ христіанскіе кварталы.

Ввѣривъ затѣмъ наблюденіе за безопасностью въ Ускюбѣ выборнымъ отъ болгарскаго населенія, русскій консулъ, предложивъ слѣдовать за собою консуламъ Франціи, Великобританіи и Австро-Венгріи,—отправился въ лагерь сербскихъ войскъ для сдачи командующему арміей, престолонаслѣднику Александру, городъ Ускюба.

Это было большое и утомительное путешествіе, такъ какъ еще въ десяти верстахъ отъ расположенія сербскихъ войскъ кавалерійскіе разѣзды задержали консула и только послѣ настойчивыхъ требованій пропустили консульскій корпусъ къ королевичу Александру; солдаты, завязавъ глаза консуламъ, позволили имъ подъ конвоемъ разѣздовъ пѣшкомъ слѣдовать по непролазной грязи въ лагерь королевича. Къ вечеру дипломаты достигли цѣли своего необычнаго путешествія и русскій консулъ предложилъ серб-

ской арміи, въ лицѣ командующаго, занять Ускюбъ.

На другой день армія престолонаслѣдника вступила въ Скопье (Ускюбъ)—эту древнюю столицу Старой Сербіи, и сербскія военныя власти вступили въ управление городомъ и его окрестностями.

Надо сказать правду—это было прескверное управленіе, чуждое культуры и лойяльности! Помимо хаоса и неразберихи, которые царили не только въ первые дни по занятіи города,—что можно было-бы еще оправдать,—но и въ послѣдующія недѣли, оставляя также въ сторонѣ отсутствіе административныхъ способностей у дѣятелей тыла сербской арміи, оказавшихся не въ состояніи водворить мало-мальски сносный порядокъ въ Ускюбѣ на протяженіи двухъ, трехъ недѣль, сербскія войска оказались далеко не рыцарями въ отношеніи мѣстнаго населенія...

Мстительные и жестокіе, пользуясь своей безнаказанностью и безсиліемъ своихъ жертвъ, они поджигали и убивали, словомъ правили судъ и расправу, не щадя ни возраста, ни пола *)...

---

*) Я имѣю въ виду, конечно, не начальниковъ сербской арміи, а отдѣльныхъ нижнихъ чиновъ, и, главнымъ образомъ, четниковъ.

Ссылки на „турецкія звѣрства“ и предательство албанцевъ—не выдерживаютъ критики и напрасно защитники дикой расправы сербовъ надъ турками и албанцами приводятъ эти смягчающія вину обстоятельства!

Я не хочу останавливаться на этихъ прискорбнѣйшихъ страницахъ изъ исторіи балкано-турецкой войны; не хочу приводить множество фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ я и мои коллеги, во время нашихъ экскурсій по туземной части Ускюба, по его окраинамъ, по окрестнымъ албанскимъ деревнямъ и по болѣе отдаленнымъ селеніямъ Ускюбскаго санджака, съ болгарскимъ и частью албанскимъ населеніемъ.

Мнѣ скажутъ—это дѣлали солдаты и нельзя эти преступления ставить въ вину высшему командному элементу.

Но сербскія военныя власти должны были знать то, о чемъ твердилъ весь городъ, о чемъ съ содроганіемъ рассказывали потерпѣвшіе, осаждавшие иностранныхъ консуловъ, моля ихъ о помощи.

Русское консульство въ эти дни положительно походило на конакъ, въ который обращались и персь, лавку котораго разграбили, и грекъ, у котораго безъ денегъ и безъ реквизиціонной росписки отобрали по-

слѣдную лошадь, и болгарскіи селякъ, у котораго угнали стадо барановъ, и турокъ, у котораго отняли силой сбереженія, и увели сына въ крѣпость, и албанцы, моливше о помощи и защитѣ.

Въ русское консульство, словно въ казначейство, турецкіе купцы приносили мѣшки золота, десятки тысячъ турецкихъ лиръ, умоляя г. Калмыкова хранить ихъ у себя!

Характерно, что въ эти кошмарные дни, въ глазахъ мусульманскаго населенія, запуганнаго сербами, Россія, въ лицѣ ея представителей, была покровительницей всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ!

Это объясняется тѣмъ, что почти всѣ политическіе агенты Россіи въ Македоніи своимъ тактомъ, гуманностью и справедливостью сумѣли внушить среди албанцевъ и турокъ глубокое уваженіе и довѣріе къ Россіи.

Мусульмане Македоніи понимали, что хотя Россія—защитница балканскихъ славянъ, но великодушная, какъ все сильное и могущественное, она не станетъ въ эти тяжелыя минуты попирать и обижать мусульманъ.

Во время албанскихъ возстаній, столь частыхъ за послѣдніе годы, албанскіе вожди предупреждали представителей Россіи, что

ими приняты мѣры для огражденія безопасности русскихъ консуловъ.

Только благодаря популярности и вліянію русскихъ политическихъ представителей, Сербія получила безъ боя Ускюбъ, Призренъ, Митровицу и др. города.

Роль г. Калмыкова въ Ускюбѣ—сыгралъ Ю. Г. Удинцовъ въ Митровицѣ и г. Емельяновъ въ Призренѣ и совершенно неосновательно сербская военная цензура не пропустила телеграммъ корреспондента С.-Петербургскаго телеграфнаго агентства, г. Рѣдкозубова, въ которыхъ онъ пытался довести до свѣдѣнія русской читающей публики эти правдивые факты...

— Такихъ телеграммъ мы не будемъ пропускать, — заявилъ представителю официального русскаго агенства, въ моемъ присутствіи, одинъ изъ цензоровъ, — а то еще въ Россіи вообразятъ, что Старую Серою завоевали русскіе консулы, а не мы.

Мой побѣгъ изъ Ускюба.

Быть на войнѣ и не видѣть боя, не наблюдать за военными операціями — не допустимо для военного корреспондента.

Сербы установили строжайшій надзоръ за всѣми нами и за предѣлы Ускюба — никому не позволялось выѣзжать...

Мнѣ совершенно не улыбалась перспектива „ускюбскаго сидѣнья“, и выждавъ наступленія ночи, я направился черезъ старинный Вардарскій мостъ, помнящій еще времена римскаго владычества, въ турецкую часть города, на окраинѣ котораго выждалъ время, когда сербскіе конные патрули мигаютъ домъ, въ которомъ я укрылся съ моимъ слугой.

На рысяхъ, вдоль полотна желѣзной дороги, помчались мы въ Куманово...

Мнѣ нужно было возможно скорѣй разыскать N-скій кавалерійскій полкъ, въ которомъ командовалъ эскадрономъ мой большой другъ, съ которымъ мы сдѣлали русско-японскую кампанію.

Мнѣ было извѣстно, что полкъ этотъ (который я такъ же, какъ и фамилии моихъ друзей, даль слово не называть въ печати) получилъ спѣшное приказаніе отправиться форсированнымъ маршемъ на югъ, къ Велесу, и я задался цѣлью, какой бы то ни было цѣной, пойти вмѣстѣ съ полкомъ, на

Сербскіе воеводы въ Ускюбѣ.

который, повидимому, возлагалась серьезная задача.

Подъ утро, въ 5-ти километрахъ отъ Куманова я прибылъ на бивуакъ 3-го эскадрона N-скаго полка, и разбудивъ моего друга, повѣдалъ ему о моемъ непреклонномъ желаніи, предупредивъ, что отказа я не принимаю.

Ш. Шевалье.

Видъ Велеса.

Хотя мы не видѣлись съ нимъ болѣе 6 лѣтъ, бесѣда наша была исключительно дѣловой и касалась лишь выработки плана выполнения моего предпріятія.

Я долженъ былъ отправиться въ деревню С—во и ждать на другой день прибытія туда трехъ сербскихъ драгунъ, которые будутъ сопровождать меня въ Велесь.

На окраинѣ этой деревушки, въ убогомъ домишкѣ бѣжавшаго изъ своего селенія албанца, я расположился на ночлегъ...

Весь свой скарбъ унесли бѣглецы съ собою, и, подоставъ на полу потникъ изъ-

подъ моего сѣдла, я, укывшись попоной, приходилъ въ себя отъ холода и усталости...

Я сдѣлалъ 60 километровъ верхомъ, по сквернымъ вьючнымъ тропамъ подъ сильнымъ дождемъ, въ холодъ и почти виро-голодь...

Мой слуга-албанецъ, родомъ изъ Тетова, служивши когда-то кавасомъ въ русскомъ консульствѣ, готовилъ мнѣ турецкіи кофе...

— Эфенди, эфенди, — будить меня албанецъ, — кушай кофе.

Костеръ, разложенный на полу, весело горитъ и освѣщаетъ пустынную комнату, въ окнахъ которой не осталось ни одного стекла и только желѣзныя рѣшетки краснорѣчиво напоминаютъ о томъ недавнемъ времени, когда всѣ двери нужно было держать ночью на запорѣ, когда безъ оружія нельзя было сдѣлать шагу.

Нѣсколько чашекъ крѣпкаго густого турецкаго кофе подкрѣпили меня...

Закуривъ „трубку мира“, я предался кейфу и сталъ обдумывать планъ дальнѣйшаго путешествія...

Здоровый крѣпкій сонъ мой былъ прерванъ сильнымъ стукомъ въ ворота.

Я освѣтилъ часы электрическимъ фонаремъ: было три часа ночи.

Кого это Богъ принесъ въ этакую рань?

Надѣвъ на себя оружие, мы вышли во дворъ; трудно было даже при помощи фонаря разсмотрѣть—кто такіе эти закутанные со всѣхъ сторонъ, вооруженные съ головы до ногъ всадники.

— Кто вы такіе? — спрашиваемъ сквозь щель, не открывая воротъ.

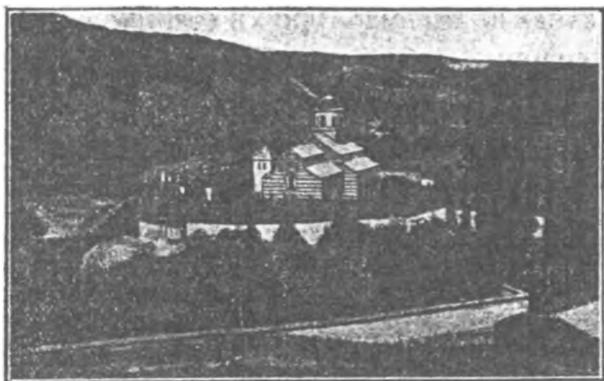
— Комита, воевода Щ—чъ, — слышалось въ отвѣтъ.

Когда мы пропустили всадниковъ во дворъ, мы, дѣйствительно, убѣдились, что имѣемъ дѣло съ сербскими четниками, во главѣ съ извѣстнымъ своимъ безстрашіемъ и жестокостью воеводой Миланомъ Щ—чемъ.

Согрѣвшись у костра, четники рассказали, что они „работали“ между Велесомъ и Прилепомъ; они несли развѣдочную службу и освѣдомляли пѣшихъ четниковъ, которые направляются къ Прилепу.

У деревни А—во, населенной сплошь арнаутами, ихъ отрядъ выдержалъ настоящій бой.

Арнауаты допустили четниковъ на близкое разстояніе; когда передніе и боковые дозоры входили въ деревню, арнауаты, чи-

Сербскій монастырь „Дичаны“ въ Македонии.

сломя болѣе 300, открыли убийственный огонь по четникамъ и, вызвавъ смятеніе въ ихъ рядахъ, бросились на нихъ съ ятаганами. Богъ знаетъ чѣмъ кончилась бы эта рѣзня, если бы къ этому времени не подошло на помощь около 200 четниковъ, бросившихся въ штыки (на ножъ) на врага...

Арнауаты не приняли удара и разбѣжались по разнымъ угламъ своей деревни.

Вотъ тутъ-то началась расправа: четники по очереди обстрѣливали всѣ дома арнаутовъ, не пропуская буквально ни одного окна, ни одной двери; черезъ три часа отвѣтные выстрѣлы арнаутовъ прекратились и въ деревнѣ словно все вымерло; тогда четники приступили къ обходу всѣхъ домовъ

и находили въ нихъ однихъ стариковъ, дѣтей и женщинъ, забаррикадированныхъ въ заднихъ помѣщеніяхъ.

Вездѣ валялись раненые и трупы, а тамъ, гдѣ случайно уцѣлѣлъ арнаутъ, его приканчивали ятаганомъ.

— Мы кончили обходъ,—разсказываетъ воевода,—какъ вдругъ мимо насъ стали пролетать пули; мы оглядѣлись и увидѣли арнаутку лѣтъ 45, спокойно цѣлившуюся въ насъ.

— Я повалилъ ее изъ винтовки и приказалъ четникамъ обыскать, *какъ слѣдуетъ*, всѣ дома, женщинъ и дѣтей.

— Теперь, — закончилъ воевода, — тамъ совсѣмъ спокойно.

Я не хотѣлъ его смущать щекотливыми вопросами, и безъ того догадавшись, какой цѣной достигнуто это спокойствіе въ албанской деревнѣ.

Четники, не руководимые офицерами регулярныхъ войскъ, не блещутъ великодушьемъ и рыцарствомъ.

Мѣшки, наполненные всякимъ скарбомъ, которые они сняли съ лошадей и положили на полъ у стѣны, какъ бы подтверждали слова воеводы о водворенномъ теперь въ А—вѣ полномъ покоѣ!

— Куда держите путь, добрые люди?— спрашиваю я.

— Въ Скопье, въ верховную команду, проситься въ Албаню, къ Адриатическому морю.

— Вполнѣ понятно, — подумалъ я про себя, — четники не любятъ „воевать“ поблизости отъ регулярныхъ сербскихъ войскъ; это стѣсняетъ ихъ свободу; они привыкли къ безконтрольнымъ дѣйствіямъ, къ самостоятельности.

И вотъ теперъ, когда регулярная войска идутъ къ Прилепу, они направляются въ глубь Албани.

День клонился уже къ концу, когда слышался топотъ конскихъ копытъ: два сербскихъ драгуна въѣхали во дворъ и, назвавъ мою фамилію, подали мнѣ пакегъ.

Мой, другъ, офицеръ, сообщалъ мнѣ, что въ интересахъ соблюденія тайны моего путешествія, оно должно быть отложено на нѣкоторое время и что онъ извѣститъ меня о послѣдующемъ въ Ускюбъ.

Было досадно, но ничего не подѣлать! Я вернулся въ Ускюбъ!

Побѣдители въ Ускюбѣ.

Въ грязненькомъ, душномъ трактирчикѣ, въ память младотурецкой революціи носившемъ названіе „Liberte“, а теперь переименованномъ въ гостиницу „Свобода“, собрались военные корреспонденты всѣхъ странъ, и за чашкой турецкаго кофе и стаканомъ македонскаго вина, обмѣнивались новостями.

Но новостей было немного; преобладали жалобы на сербское военное начальство, не пропускавшее ни писемъ, ни телеграммъ, мало-мальски отражавшихъ истинное положеніе вещей.

Особенно негодовали англичане; они никакъ не могли примириться съ той ложью, которую имъ предлагали передавать по телеграфу въ свои редакціи.

Ежедневныя реляціи, составляемыя сербскимъ Pressebureau по порученію „верховой команды“ и подносимыя два раза въ день корреспондентамъ, были не только далеки отъ истины, но по своей фантастичности, по смѣлости, съ которой они составлялись, граничили съ насмѣшкой.

Если-бы полеть фантазиі авторовъ не выходилъ изъ круга военныхъ операций— можно было-бы еще примириться съ этой импровизаціей, оправдывая ее высшими соображеніями.

Но какая разумная цѣль побуждала сербовъ ежедневно сочинять бюллетени о покорности и преданности албанцевъ Ускюбскаго санджака, о твердой власти и порядкѣ въ сферѣ военного управленія сербской

Мечеть въ Ускюбѣ.

армии, когда каждый изъ тѣхъ, для кого сочинялись эти сообщенія, видѣлъ своими глазами совершенно обратное и, если его лишали возможности передавать правду, то, во всякомъ случаѣ, никакая власть не въ состояніи была заставить его лгать!

Цыгане Македонии.

Хотя печать на депеши корреспондентовъ накладывалась верховной командой, но фактически военная цензура была опрометчиво ввѣрена кучкѣ молодыхъ людей, не только недостаточно компетентныхъ въ вопросѣ цензурованія иностранныхъ депешъ, но и,

какъ въ послѣдствіи оказалось, не обладающихъ для этого достаточнымъ нравственнымъ цензомъ.

Многіе корреспонденты покинули армию, убѣдившись въ совершенной безцѣльности своего дальнѣйшаго пребыванія.

Другіе не въ состояніи были оставаться безмолвными свидѣтелями событія, которыя творились въ Ускюбѣ и его окрестностяхъ. Волны Вардара, такъ много видѣвшія на своемъ вѣку, могли-бы рассказать еще больше интереснаго про тѣ „турецкія звѣрства“, которыя творились сербами по вступленіи во взятый безъ единого выстрѣла городъ!

Паническій ужасъ, охватившій мусульманское населеніе Ускюбскаго санджака тотчасъ по вступленіи въ его предѣлы первыхъ сербскихъ отрядовъ, усиливался по мѣрѣ того, какъ въ занятомъ безъ боя районѣ „укрѣплялась“ сербская военная власть!

Массовые грабежи и убійства, пожары, мародерство сербскихъ четниковъ и непрекращавшаяся пальба по городу ознаменовали собою торжественное занятіе города арміей королевича Александра.

Подъ видомъ поисковъ оружія четники и солдаты врывались ночью въ мусульман-

Воевода сербскихъ бандъ въ Македонии
АРАМБАША МИЦКО.

скіе дома, грабили и насилывали, а при малѣйшемъ сопротивленіи открывали пальбу по безоружнымъ.

Ежедневно эти - же стражи законной власти приводили сотни турокъ и албанцевъ въ крѣпость, гдѣ „непокорныхъ“—по указанію четниковъ—безъ всякаго дознанія, безъ всякой провѣрки показаніи этихъ темныхъ рыцарей—безжалостно разстрѣливали въ крѣпостномъ дворѣ.

Я и нѣсколько моихъ коллегъ, въ томъ числѣ представитель „Петербургскаго телеграфнаго агенства“ г. Р—въ были десятки разъ свидѣтелями невѣроятныхъ безобрази, творимыхъ четниками, рѣже солдатами, въ турецкомъ кварталѣ.

А высшя военныя власти закрывали глаза на всѣ эти ужасы, которые едва-ли способствовали упроченію христіанскій культуры въ мусульманской странѣ.

Говорять, нѣтъ ничего опаснѣе раба, расковавшаго свои цѣпи и въ остервенѣннй вымещающаго вѣковую злобу.

Сербы, конечно, долго носили эти тяжкія цѣпи и, быть-можетъ, это единственное оправданіе ихъ жестокости.

Армія престолонаслѣдника Александра вступила въ Ускюбъ съ большими запасами патроновъ и снарядовъ, съ громаднымъ воинскимъ пыломъ, но упустила захватить съ собой хотя-бы немного культуры и христіанской любви къ ближнему.

Патроны и пылъ оказались въ Ускюбѣ ненужными и никакого примѣненія, какъ мы указывали выше, не нашли себѣ; между тѣмъ культура и человѣчность были-бы весьма кстати и отъ нихъ сербы только-бы выгадали въ глазахъ Европы.

Было очень близоруко со стороны сербовъ думать, что факты, которыхъ не пропускала военная цензура, навсегда останутся тайной для общественнаго мнѣнія Европы.

Мы видимъ, что и въ англійской, и въ русской печати, вполне расположенной къ балканскимъ народностямъ, — нашли себѣ справедливую оцѣнку эти во-истину „турецкія звѣрства“, которыхъ меньше всего можно было ожидать отъ счастливыхъ побѣдителей, возвѣстившихъ всему міру объ открытой ими борьбѣ Креста съ Полумѣсяцемъ.

Одинъ за другимъ развѣзжались военные корреспонденты.

Покинулъ сербскую армию симпатичный г. Р—въ, корреспондентъ „Петербургскаго телеграфнаго Агенства“, которому не позволили сообщить въ свое агентство правдивое описаніе паденія Ускюба, такъ какъ, по словамъ цензоровъ, его сообщеніе можетъ умалить обаяніе сербскаго оружія въ глазахъ Россіи.

Уѣхалъ мистеръ Бэрингъ, корреспондентъ „Times“, прибывшій на Балканы съ большими симпатіями къ юго-славянамъ и, увы, значительно охладѣвшій къ нимъ при болѣе близкомъ знакомствѣ.

Мистеръ Бэрингъ прибылъ въ сербскую армию изъ Австрали, гдѣ читалъ лекціи о Россіи.

Прекрасно владѣя русскимъ языкомъ, этотъ путешественникъ и писатель, изъѣздивъ всю Россію, былъ въ Сибири и на Дальнемъ Востокѣ, сдѣлалъ русско-японскую войну и вынесъ изъ своихъ путешествій безграничную любовь къ Россіи.

Симпатіи ко всему русскому побудили этого бывшего дипломата отправиться на Балканы, гдѣ, по его словамъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что между сѣверными славянами и юго-славянами — громадная разница, и, что если-бы не общность рѣлигии и корней языка, ихъ можно было-бы счесть чуть-ли не антиподами.

Отъ русскихъ газетъ остался только В. В. Завадскій-Деренталь (Русскія Вѣдомости) и я; и тѣмъ не менѣе въ большинствѣ русскихъ газетъ появлялись свѣдѣнія изъ Ускуба и изъ Сѣверной Македоніи, тенденціозно изображавшія положеніе вещей въ районѣ расположенія сербской армии.

Только вполслѣдствіи, въ Бѣлградѣ, мы узнали, что наши цензора, члены *presse-bureau*, были одновременно корреспондентами нѣсколькихъ русскихъ, английскихъ, фран-

цузскихъ газетъ и одного нѣмецкаго телеграфнаго агенства.

Помимо такого совмѣстительства, совершенно недопустимаго, эти господа, разобла-

Знатная турчанка въ Македонии.

ченные бѣлградской газетой „Правда“, органомъ сербскихъ консерваторовъ,—задерживали на телеграфѣ „конкурентныя“ депеши другихъ корреспондентовъ, и, но словамъ „Правды“, интересныя извѣстия, вычеркнутыя

цензорами въ нашихъ телеграммахъ попадали въ ихъ собственныя депеши.

Сербскіи премьеръ г. Пашичъ, какъ намъ сообщали въ Бѣлградѣ, велѣлъ возбудить дѣло противъ этихъ „мародеровъ“, какъ ихъ называла „Правда“, но чѣмъ окончилось это некрасивое дѣло—для насъ осталось неизвѣстнымъ,

Если къ этому прибавить, что письма наши въ редакцію не доходили, часть телеграммъ гдѣ-то пропадала, а дошедшия опаздывали дней на десять,—то получится картина того тяжелаго положенія, въ которомъ находились военные корреспонденты.

Бой подъ Прилепомъ.

Сербскія власти не допускали военныхъ корреспондентовъ на поле битвы. Исключеніе было сдѣлано для г. Г—ча и г. Т—о, сербовъ по происхожденію, состоявшихъ корреспондентами двухъ русскихъ газетъ.

Считая такого рода изъятія изъ общаго правила несправедливыми, нѣсколько корреспондентовъ, вопреки строгаго наказа верховной команды, проникли въ ряды сербской арміи и имѣли возможность наблюдать за походомъ и операціями сербской арміи.

Я и г. Завадскіи-Деренталь, одѣтые въ форму сербскихъ кавалеристовъ, отправились изъ Ускюба внизъ по р. Вардаръ, по направленію къ Велесу, гдѣ нагнали части войскъ той колонны арміи королевича Александра, которая двигалась по дорогѣ отъ Велеса прямо на Прилепъ.

Если не ошибаюсь, это было 20 октября, когда авангардныя части сербской арміи стали занимать высоты Бабунскаго хребта, къ сѣверо-востоку отъ Прилепа и въ раз-

стояни какихъ-нибудь 20 километровъ отъ него.

Вершины противоположнаго Плетварскаго хребта были заняты турецкими войсками, открывшими сильный, но малодействительный артиллерійскій огонь по противнику.

Зловѣще огоньки рвавшейся шрапнели и оглушительный шумъ падающихъ и разрывающихъ землю снарядовъ производилъ сильное моральное впечатлѣніе, но не вызывалъ никакихъ потерь. Снаряды ложились куда угодно, только не въ мѣста расположенія войскъ.

Сербы не въ состояніи были принять этотъ артиллерійскій бой, такъ какъ на высоты занятыхъ ими позиціи, достигавшія 1.200 метровъ, не было возможности подвезти полевые орудія...

Здѣсь слѣдовало, конечно, пустить въ ходъ горную артиллерию, которая облегчила бы задачу сербской арміи и дала бы возможность выбить турокъ съ позиціи въ короткіи срокъ; однако, горныхъ орудій не оказалось и сербская пѣхота вынесла этотъ бой единственно на своихъ плечахъ.

Кавалерія охраняла фланги и несла развѣдочную службу въ долинахъ, между тѣмъ какъ стрѣлковыя цѣпи, рассыпанныя на

сопкахъ Бабунскихъ горъ, небольшими перебѣжками постепенно уменьшали разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ противника.

Непролазная грязь, непрерывный дождь и подчасъ непроницаемый туманъ затрудняли операци.

Ружейная трескотня прекращалась только ночью и въ тѣ небольшіе промежутки времени, когда туманъ положительно заслонялъ непріятеля.

Это была скучная, но тяжелая черная работа выносливыхъ и мужественныхъ сербскихъ солдатъ, съ удивительной настойчивостью преодолевавшихъ всѣ преграды, всѣ лишения этого сѣренькаго, но труднаго сраженія!

Трое сутокъ жизни подъ открытымъ небомъ, въ ненастную погоду, питаясь однимъ хлѣбомъ и водой, наступая въ неблагоприятнѣйшихъ условіяхъ и не рассчитывая на поддержку своей артиллеріи—это неоспоримое доказательство выносливости и мужества сербскихъ войскъ!

Только очень молодые народы обладаютъ такимъ запасомъ жизненныхъ силъ и энергии, которыя позволяютъ имъ совершать, можетъ-быть, и не эффектные на первый взглядъ, но безусловно труднѣйшія военныя операци.

Конечно, только непродолжительная война можно вести такимъ „экономическимъ“ способомъ, какъ ее ведутъ балканскія государства. Ни походныхъ кухонь, ни ежедневнаго довольствія мясомъ, во время наступления, у нихъ не было.

Безъ глотка горячей пищи, безъ спирта, снабженные въ обрѣзъ довольно сквернымъ бѣлымъ хлѣбомъ, сербскіе войники проводили подчасъ по 7—8 дней подъ проливнымъ дождемъ, не всегда имѣя возможность укрыться въ палаткѣ, такъ какъ полотнищъ не хватало, а подстилки изъ соломы, на сырой холодной землѣ, я никогда не видалъ!

Такъ „на легкѣ“ воевать можно мѣсяць, много два, а тамъ, хоть-бы желѣзные организмы были у сербскихъ солдатъ, они-бы истощились при такомъ довольствіи и условіяхъ жизни арміи.

Нетребовательность сербскаго войника поразительна: обутый въ жиденькіе онучи, свободно пропускающие воду, одѣтый во что Богъ послалъ, — особенно призванные изъ запаса, — съ мѣшкомъ вещевымъ подъ бокомъ и ружьемъ черезъ плечо, онъ шлепаетъ, не унывая, по ужасной грязи македонскихъ дорогъ и никакая усталость, никакія лишения не пугаютъ его.

Я-бы погрѣшилъ противъ истины, если-бы сталъ рисовать картины героизма и воинственнаго экстаза въ рядахъ сербской армии при наступленіи подъ Прилепомъ! Ничего подобнаго не было, какъ не было какихъ-нибудь романтическихъ эпизодовъ и эффектныхъ боевыхъ моментовъ.

Повторяю, это было прозаическое, скучное наступленіе цѣпи, мѣткимъ ружейнымъ огнемъ подготовлявшей себѣ путь для движенія впередъ.

Спокойные и увѣренные въ конечномъ успѣхѣ, сильно подбодренные побѣдой въ Кумановскомъ бою, войники съ паразитическимъ самообладаніемъ выполняли свою задачу, какъ это бываетъ на ученіи, во время двухстороннихъ маневровъ, съ обозначеннымъ противникомъ.

Правда, по всему было видно, да и нетрудно было догадаться, что турки, намѣреваясь оказать сильное сопротивление подъ Монастыремъ (Битоли), дѣлаютъ лишь слабую попытку задержать наступленіе сербскихъ войскъ, дабы выгадать время и собраться съ силами.

Правда и то, что въ турецкихъ таборахъ царило уныніе и вѣра въ свои силы была подорвана, и это настроеніе турецкихъ войскъ

сказывалось во всемъ: въ безпорядочной пальбѣ, въ манерѣ отходить съ позици не отстрѣливаясь, въ отсутствіи арьергардныхъ боевъ, и, конечно, этотъ упадокъ духа обороняющихся войскъ не могъ не подбодрить наступавшую армію!

При малѣйшей попыткѣ сербскихъ войскъ броситься на противника въ штыки (на ножь),—турки безпорядочно отходили, не принявъ ни одного удара, ни разу, по крайней мѣрѣ въ полѣ моего зрѣнія, не давъ залпа по шедшему въ атаку неприятелю!

Въ итогѣ, безславно, съ уныло опущенными знаменами, отошла армія падишаха съ Плетварскихъ высотъ, очистивъ сербскимъ войскамъ путь въ Прилепъ—древнюю столицу Королевича Марка!

Я и мой коллега изъ „Русскихъ Вѣдомостей“, В. В. Завадскіи-Деренталь, съ трудомъ розыскавъ нашего слугу и выючныхъ лошадей,—отдохнули ночь въ Прилепѣ и на другое утро, на рысяхъ, направились въ Велесъ, надѣясь по желѣзной дорогѣ вернуться въ Ускюбъ.

Мы были почти увѣрены, что бой подъ Прилепомъ—это финальный аккордъ турецкой арміи въ Сѣверо-Западной Македоніи, и, что павшая духомъ, растерявшаяся армія

едва-ли теперь въ состояннн будетъ принять серьезный бой подъ Монастыремъ...

Послѣдующи событія, какъ извѣстно, опровергли наши предположенія и подъ тѣмъ-же Монастыремъ турецкія войска сдѣлали еще одну, какъ говорятъ, отчаянную попытку „спасти положеніе“, попытку стоившую жизни командующему ихъ арміей Фетхи-папѣ, одному изъ лучшихъ и честнѣйшихъ людей Турціи, такъ болѣвшему душой за злополучную судьбу своей Родины.

Въ Бѣлградѣ, гдѣ Фетхи-паша занималъ постъ посланника до объявленія войны, многіе сожалѣли о безвременной кончинѣ этого культурнаго, гуманнаго турка.

Въ Македоніи.

Если Македонія и въ мирное время представляетъ собой вѣчно тлѣущи костеръ, кошмаръ европейской дипломатіи, угрожающи миру всего міра, то во время войны, когда взбаламутилось Балканское море-океанъ, когда мобилизовались всѣ темныя и нетемныя силы,—эта страна конспираціи и заговоровъ, страна возстаніи и политическихъ убийствъ, превратилась въ арену массоваго возбужденія национальныхъ страстей, напоръ которыхъ сдерживался только пребываніемъ въ Македоніи многочисленной сербской арміи.

За пять вѣковъ подневольнаго существованія разнообразныя народности, населяю-

Албанцы сѣверной Македоніи.

щія эту страну этнографической неразберихи, привыкли ненавидѣть другъ друга со всею страстностью своихъ южныхъ натуръ!

Греки, сербы, болгары, куцо-валахи, испанскіе евреи, турки, албанцы, цыгане— всѣ эти національности ведутъ неустанную борьбу другъ съ другомъ, составляютъ заговоры, строятъ завоевательные планы, совершаютъ политическія убійства, готовятъ возстанія.

Я забылъ упомянуть еще одну национальность— „македонцевъ“; впрочемъ, кто-то удачно сострилъ, что македонцы— это не национальность, а *профессія*. Ихъ очень много, происхожденія они разнаго и на вопросъ о национальности гордо отвѣчаютъ: мы македонцы *).

Они то и есть главные сѣятели смутъ и политическихъ интригъ, попеременно служа сегодня Болгаріи, завтра Сербіи, а тамъ и Турціи,— въ зависимости отъ того, кто больше платитъ.

Бываютъ и такіе курьезы, что „македонецъ“ состоитъ одновременно агентомъ нѣ-

---

*) Я имѣю въ виду въ данномъ случаѣ македонцевъ— политическихъ интригановъ, а не тѣхъ борцовъ за независимость и автономію Македонии, которые, конечно, ничего общаго съ первыми не имѣютъ.

сколькихъ враждебныхъ другъ другу организаций, мороча всѣхъ ихъ, и, подготавливая заговоръ у однихъ, раскрываетъ его другимъ.

Испытанные въ интригахъ и провокаціи, закаленные въ убійствахъ и грабежахъ, „ма-

Болгарскіе четники въ Македоніи.

кедонцы“ являются удобными агентами для тѣхъ, кому нужно разжигать страсти на Балканскомъ полуостровѣ, преслѣдуя тѣ или инныя политическія цѣли.

Съ паденіемъ Ускюба,—этого главнѣйшаго очага революціонныхъ выступленій въ Македоніи, темныя силы насторожились,

отточили свои кинжалы и заняли выжидательное положение... Кого теперь рѣзать, кому служить?

Въ своихъ подпольяхъ, мрачныхъ какъ и ихъ обитатели, они собирались по ночамъ и тревожно шушукались.

Сербскія военныя власти, вступивъ въ предѣлы Македонии, мало позаботились о томъ, чтобы не давать поводовъ къ разжиганію національныхъ страстей, и показать съ первыхъ же шаговъ, что всякаго рода политическіе кунштштуки будутъ энергично искореняться.

Не хватило выдержки даже на первое время скрыть свою традиционную вражду къ болгарамъ и грекамъ, въ особенности къ первымъ, и не успѣло население Ускюба, преимущественно болгары, выкинуть для встрѣчи войскъ кромѣ сербскихъ также болгарскіе національные флаги, какъ ретивые сербскіе войники, обходя дома, срывали болгарскіе и греческіе флаги, указывая вывѣсившимъ ихъ домовладѣльцамъ—что Ускюбъ и Сѣверо-Западная Македонія—отнынѣ составляютъ сербскія владѣнія, и что въ возстановленной Старой Сербии иноземнымъ флагамъ не зачѣмъ развѣваться.

Болгарское населеніе, политически болѣе развитое, чѣмъ сербы и руководимое столь

Болгарскитъ Митрополитъ Св. НЕОФИТЪ.

просвѣщеннымъ и гуманнымъ пастыремъ, какъ болгарскій митрополитъ св. Неофитъ (русскій воспитанникъ, кончившій Кіевскую Духовную Академію), не желая омрачать торжества первыхъ дней освобожденія христіанъ Македоніи отъ многовѣковаго турецкаго ига, сдерживало свой справедливый гнѣвъ и молча переносило обиды.

— Мы васъ освободили, — твердили на всѣхъ перекресткахъ сербы.

— Насъ освободила Россія, въ лицѣ своего консула, — возражали болгары; — вы не пролили ни единой капли крови своей подъ Ускюбомъ.

— Въ старой Сербіи — нѣтъ болѣе болгаръ, а тѣ кто считаетъ себя таковыми могутъ убираться изъ Ускюбскаго санджака.

— Мы были болгарами и останемся ими!

Словомъ, старые мотивы, составляя все всегда больное мѣсто Балканскаго полуострова, со всею остротой были выдвинуты сербами въ такое время, когда объ этомъ не слѣдовало еще заикаться!

Митрополитъ Неофитъ, пользующійся большимъ вліяніемъ и авторитетомъ среди мѣстнаго болгарскаго населенія — прилагалъ всѣ свои усилія для умиротворенія разгоравшейся розни. Онъ увѣщевалъ сербовъ, умо-

лялъ ихъ вооружиться выдержкой и политическимъ тактомъ и не давать повода недоброжелателямъ славянства торжествовать обычную побѣду...

Но слова владыки были гласомъ вопіющаго въ пустынь!

И т о г и.

Подводя итоги, всему видѣнному и слышанному на Балканахъ, я невольно спрашивалъ себя: гдѣ-же таится та „славянская душа“ съ ея идеализмомъ и полетами въ высь, о которыхъ я читалъ и слышалъ въ Россіи?

Гдѣ эти нити, будто-бы духовно связывающія балканскихъ славянъ съ великой Россіей?

Гдѣ это искреннее, безкорыстное тяготѣніе маленькихъ балканскихъ государствъ къ русскому народу?

Оставляя въ сторонѣ Болгарію, въ которой вы, въ концѣ концовъ, найдете нѣкоторый интересъ къ русской культурѣ и нѣкоторое чувство благодарности русскому обществу,—я останавлиюсь нѣсколько подробнѣе на сербахъ.

Бытописатели юго-славянскихъ земель, наблюдавшіе сербовъ изъ вагонъ-салона и изучавшіе ихъ по рассказамъ и со словъ сербскихъ политическихъ дѣятелей, лишены возможности видѣть и слышать сербовъ въ

сѣренкїе будни, когда они не надѣвають париковъ и не накладываютъ грима.

За время военныхъ дѣйствїй, въ Македонїи и въ Старой Сербїи, военные корреспонденты сталкивались съ ними ежедневно, видѣли ихъ за черной работой, когда имъ недосугъ было „подтягиваться“ и принимать интересныя позы.

И чѣмъ больше мы присматривались къ этому народу, тѣмъ больше поразились, какое неправильное представленіе составилось въ Россїи о маленькихъ родственникахъ, живущихъ не за тридевять земель, а въ центрѣ Европы!

Если мы имѣемъ превратное представленіе о какихъ-нибудь ингушахъ или таджикахъ, то это еще объяснимо громаднымъ разстояніемъ, отдѣляющимъ ихъ отъ насъ и отчужденностью этихъ племенъ, но вѣрить на слово нѣсколькимъ нашимъ писателямъ, во имя тенденции искажающимъ дѣйствительность—прямо непозволительно.

Вѣдь Сербїя не за горами,—хотя и въ горахъ,—и, досадно, что русское общество освѣдомляютъ о сербскихъ дѣлахъ и нравахъ не безпристрастные бытописатели, а большей частью либо люди предвзятыхъ тенденцій, либо, что чаще всего бываетъ,—сами сербы,

готовые выдавать себя на этотъ случай за русскихъ.

Говоря о сербахъ слѣдуетъ различать двѣ эры: до Кумановскаго боя и послѣ него.

До опьяненія легко доставшимися побѣдами сербы оставались бѣдными родственниками съ ихъ вѣчными жалобами на австрійскихъ и турецкихъ угнетателей, на козни и интриги болгаръ, недобросовѣстность грековъ и равнодушіе Россіи.

Лѣнныя по природѣ, избалованные благодатнымъ климатомъ и плодородіемъ почвы, они только и занимаются политическими разговорами. перекраивая карту Ближняго Востока по настроенію и вкусу.

Ни въ одной странѣ вы не найдете столько политическихъ партій, какъ въ Сербіи: собралось въ кофейной нѣсколько человѣкъ, поболтали вдоволь и готова партія, открывшая враждебныя дѣйствія противъ другой, къ которой новорожденные вожаки еще вчера принадлежали.

Въ безграмотномъ бульварномъ листкѣ обливаются грязью вчерашніе единомышленники, вытаскивается старое грязное бѣлье, приводятся пикантныя подробности изъ жизни вожаковъ другихъ партій, и, если вѣрить такимъ листкамъ, то въ Сербіи совсѣмъ нѣтъ

честныхъ людей, за исключеніемъ этой партіи послѣдняго дня.

Слѣдующей мишенью для обстрѣла новыми людьми являются министры, стоящіе у власти, которыхъ обвиняютъ въ уголовномъ прошломъ и государственной измѣнѣ, и предлагаютъ замѣнить немедленно своими ставленниками.

Затѣмъ чередъ идетъ за династіей и на этотъ случай у всякаго сербскаго политика найдется цѣлый арсеналь неотразимыхъ фактовъ противъ царствующей династіи...

Одинъ изъ умнѣйшихъ и наиболѣе честныхъ государственныхъ людей Сербіи, г. Никола Пашичъ, могъ-бы много рассказать о своихъ соотечественникахъ, превратившихъ политику въ доходное ремесло, ни передъ чѣмъ не останавливающихся для достиженія своихъ цѣлей, продиктованныхъ жадностью и корыстолюбіемъ.

Г. Пашичъ, какъ патріотъ, конечно, говорить объ этомъ не будетъ; но сколько горькихъ дней въ своемъ изгнаніи въ Болгаріи и въ нищетѣ у себя на Родинѣ, благодаря клеветѣ и жестокости своихъ родичей пережилъ этотъ смѣлый борецъ, воспитанный на русскихъ завѣтахъ.

Сербія всегда смотрѣла на Россію, какъ на страну, изъ которой можно извлекать извѣстныя выгоды, играя на стрункахъ сердоболія и великодушія русскихъ людей.

Никакихъ симпатіи къ Россіи, никакихъ привязанностей къ Россіи вы въ Сербіи не найдете; даже элементарное знаніе русской культуры, русскихъ писателей и дѣятелей вы рѣдко встрѣтите у сербской интеллигенціи. Они знаютъ лишь, что Россія очень богата, и, какъ и подобаеъ бѣднымъ и лѣнивымъ родственникамъ, втайнѣ завидуютъ этому богатству и подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ стараются урвать что-либо отъ своей знатной родни.

Сербы до такой степени свыклись съ тѣмъ, что Россія, въ великодушномъ порывѣ, щедро расточая имъ свои милости, готова подчасъ ставить на карту собственное спокойствіе изъ-за несчастныхъ страдальцевъ на Ближнемъ Востокѣ, проливающихъ крокодиловы слезы предъ лицомъ всей Европы,—что этотъ актъ состраданія и милости они возвели въ долгъ и обязанность!

„Россія обязана, Россія должна“ — эти слова не сходятъ съ устъ правовѣрнаго серба.

Россія обязана хотя-бы цѣной своей крови увеличить территорію Сербіи, включая въ

нее разные Дьяковы, Призрѣны, Ипеки; Россія обязана ввязаться въ войну съ сосѣдями, дабы Сербія получила выходъ къ Адриатическому морю; прямой долгъ Россіи посылать отряды Краснаго Креста, пожертвованія и возможно больше денегъ,— и сербы великодушно примуть все это, убѣдившись, что Россія исправно исполняетъ свои обязанности по обслуживанію Сербіи.

Развѣ у Россіи могутъ быть иные интересы кромѣ способствованія, на правахъ сподручнаго, созданію Великой Сербіи?

Единственная разумная цѣль существованія Россіи—это забота о возстановленіи царства Душана Сильнаго, и тогда, великая и цѣнящая заслуги своихъ сотрудниковъ, Сербія поможетъ русскимъ справиться съ двуединой придунайской имперіей.

Въ Сербіи, повторяю, до такой степени освоились съ мыслью, что весь смыслъ существованія Россіи—въ служеніи интересамъ царства Душана, что когда Петербургскіи кабинетъ, вопреки взглядовъ горсточки русскихъ славянофиловъ, отказался отъ активнаго выступленія въ пользу порта Дураццо, въ Сербіи вознегодовали на Россію, и въ увлеченіи дошли до обвиненія въ измѣнѣ насущнымъ задачамъ славянства (надо по-

нимать Сербию) и въ малодушіи Россіи, которая-де забываетъ, что съ нею будутъ сербскія войска, изгнавшія въ три недѣли турокъ изъ Европы!

Сербскіе политическіе дѣятели, убѣдившись, что втянуть Россію въ войну изъ-за Адриатики не удастся—хватались за крайнее средство: пугать Россію, что ея слабость и нерѣшительность побудитъ Сербію броситься въ объятія Австріи...

Что можетъ быть краснорѣчивѣе этой откровенности?

Этимъ сказано, что если Россіи угодно обладать платоническими симпатіями на берегахъ Савы и Моравы, то она должна вести политику *сербскую*, а не русскую, и думать прежде всего о выходѣ Сербіи къ морю, о расширеніи предѣловъ Старой Сербіи за счетъ Албани, о выгодномъ торговомъ договорѣ съ Австріей, должна, наконецъ, разбить самое Австрію для блага Сербіи,—но отнюдь не смѣетъ русская дипломатія проводить политику русскую, соотвѣтствующую интересамъ государства русскаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ Сербія перейдетъ на сторону недруговъ.

Заключеніе.

Долголѣтняя и многострадальная исторія сербскаго народа, къ сожалѣнію, ничему не научила политиковъ съ береговъ Савы; мало того, послѣ Кумановскаго боя они забыли даже то, что знали до него.

Та же самая судьба, которая отвернувшись отъ турокъ, улыбнулась сербамъ, подноситъ сегодня Куманово, а завтра Коссово и задача народа, умѣющаго черпать для себя уроки изъ прошлаго и думать о будущемъ, заключается не въ самоупоеніи побѣдой, не въ опьяненіи сегодняшнимъ днемъ, а въ сознаніи высокихъ культурныхъ испытаній, поднесенныхъ Сербіи колесомъ фортуны и въ заботахъ сумѣть сохранить занятыя позиціи!

Изъ предыдущихъ главъ читателю извѣстно, что этой государственной прозорливости, этого политическаго такта у сербовъ, къ сожалѣнію, не оказалось!